

ББК 63.3(2)6-6

К14

**Издание увидело свет благодаря содействию
Гуманитарного фонда «Поколение»
и его руководителя Андрея Владимировича Соча**

К14 Казанин М.И.

Избранное / Под общ. ред. акад. В.С. Мясникова. М.:
Памятники исторической мысли, 2009. — 431 с.

ISBN 978-5-88451-256-6

В книге представлен восстановленный текст записок М.И. Казанина о первых шагах новой российской дипломатии в Китае в начале 20-х годов XX столетия, а также статьи, которые он готовил, работая в Институте по Китаю, всех сотрудников которого в 1937 г. постигла печальная участь жертв необоснованных репрессий. Эти статьи, надолго выведенные из поля зрения исследователей, и сегодня не утратили своей актуальности, так как раскрывают мотивы действий держав в Восточной Азии. В издание включен также неизвестный нашему читателю труд М.И. Казанина «Из Москвы в Самарканд», опубликованный им в середине 30-х годов за рубежом на английском языке и ныне впервые издаваемый на русском языке.

Для всех интересующихся Востоком, обществоведов, студентов гуманитарных вузов, тех, кому близки судьбы русской интеллигенции.

ББК 63.3(2)6-6

ISBN 978-5-88451-256-6

© Мясников В.С., составление, 2009
© Мясников В.С., вступ. статьи, 2009
© Крюков М.В., послесл., коммент., 2009
© Карганова Т.А., перевод, 2009

Содержание

К читателю. <i>В.С. Мясников</i>	5
Дальневосточный европеец — Марк Исаакович Казанин (1899—1972). <i>В.С. Мясников</i>	11
М.И. Казанин. Записки секретаря миссии	37
От автора	39
1. Слюдянка	40
2. Верхнеудинск	44
3. Кяхта	52
4. Монголия	60
5. Сквозь Гоби	69
6. В Пекине	71
7. Почему китайское правительство дало согласие на наш приезд	75
8. Первый раунд	83
9. Мы завязываем связи... ..	87
10. ...и обрастаем штатом	93
11. Американская учительница	97
12. Его превосходительство Лю Цзин-жэнь	100
13. Доктор В.В. Янь	107
14. Мы переезжаем	110
15. Наша русская колония	117
16. То чудо, каким был Пекин	120
17. Мы становимся «федеральной» миссией	125
18. Отношения с другими миссиями	130
19. Мы и пресса	139
20. Наши связи в пекинском обществе: китайские... ..	142
21. ...и иностранные	148
22. Развитие официальных отношений с китайцами	159
23. Развитие официальных отношений с иностранцами	164

24. У Чжан Цзо-линя	169
25. Начало Дайренской конференции	174
26. Харбинская интерлюдия	177
27. На пороге Вашингтонской конференции	184
Эпилог	189
Комментарии	193
Портреты без ретуши (вместо послесловия). <i>М.В. Крюков</i>	231

Приложения 249

Приложение 1. Из Москвы в Самарканд (пер. с англ. <i>Т.А. Каргановой</i>)	251
Глава I. Почтовый поезд «Москва — Фергана»	251
Глава II. Фергана	255
Глава III. История решающего испытания	260
Глава IV. Вадиль	268
Глава V. Шах-и-Мардан — часть I	272
Глава VI. Шах-и-Мардан — часть II	276
Глава VII. Киргизские пастбища	279
Глава VIII. Самарканд. Базары и мазары	284
Глава IX. История человека с впалыми глазами	290
Глава X. «Бухара-и-Шериф» — Благородная Бухара	298
Глава XI. Узбеки	301
Глава XII. Не-узбеки	308
Глава XIII. История сиротского приюта	311
Глава XIV. Возвращение домой	317

Приложение 2. Статьи М.И. Казанина разных лет	321
Английский капитал в Китае	321
Юньнань. Экономико-географический очерк	337
Кабинет д-ра Иена	389
Пекин и договорные проблемы	393

Приложение 3. Статьи о М.И. Казанине	402
Марк Исаакович Казанин (к семидесятилетию со дня рождения)	402
Памяти Марка Исааковича Казанина (1899 — 1972). <i>Ф.Б. Белелюбский</i>	405
Дипломат, ученый, литератор. <i>И.М. Майский</i>	408
«Нет рецепта писать мемуары» (Обзор архива М.И. Казанина). <i>Ф.Б. Белелюбский</i>	419

К ЧИТАТЕЛЮ

Представляя читателям «Избранное» Марка Исааковича Казанина, составители этого тома решали сложнейшую задачу отбора работ, которые следует включить в книгу. Ведь все, вышедшее из под пера М.И. Казанина, является эксклюзивным, избранным для нашего китаеведения. Такова была широта его знаний и сила литературного таланта. Им были опубликованы две книги мемуаров. Мы решили ознакомить читателя с восстановленным текстом первой книги — «Записками секретаря миссии». Почему? Потому что кроме Марка Исааковича никто не освещал этот сюжет зарождения новой, советской дипломатии в Китае. Он был единственным оставшимся в живых участником событий тех лет.

Что касается второй книги — «В штабе Блюхера» — то период китайской революции 1925 — 1927 гг. детально описан в многочисленных мемуарах советников и специалистов, направленных Советским Союзом для помощи тем силам в Китае, которые боролись за национальную независимость и демократическое устройство своей страны¹. Переиздание труда Марка Исааковича потребовало бы сравнительно-исторического анализа всего комплекса этой литературы. Но решение этой задачи — удел историографов будущего.

Взявшись за издание мемуаров М.И. Казанина, хочу сделать еще несколько предварительных замечаний. Всеволод Михайлович Гаршин в рассказе «Надежда Николаевна» заметил: «Иные пишут свои

¹ Перечень этой литературы был подготовлен Ю.В. Чудодеевым, который выступил ответственным редактором второго издания мемуаров В.В. Вишняковой-Акимовой «Два года в восставшем Китае». М., 1980. С. 275.

мемуары потому, что в них много интересного в историческом отношении; другие потому, что им еще раз хочется пережить счастливые молодые годы; третьи затем, чтобы покляузничать и поклеветать на давно умерших людей и оправдаться перед давно забытыми обвинениями. Ни одной из этих причин у меня нет»². Марку Исааковичу Казанину, вероятно, были не чужды два первых из упомянутых мотивов. Но, пожалуй, главным было другое — желание сохранить правдивую картину тех событий, в которых ему довелось участвовать. В отличие от художника Андрея Николаевича Лопатина — героя рассказа Гаршина — он не мог сказать о себе: «Я еще молодой человек; истории не делал и не видел». Как раз наоборот, Марк Исаакович видел, как делалась история отношений нашей страны с Китаем, и сам был активным, в известном смысле ключевым участником событий. Но дело в том, что когда он возвратился в столицу после 18-летнего пребывания в лагерях и вновь обратился к научной деятельности, то обнаружил, что в исторической литературе, хотя и основанной на документах, отсутствуют и многие персонажи, и многие факты, с которыми в свое время его столкнула жизнь. Может быть, это и не были прямые попытки «покляузничать и поклеветать на давно умерших людей и оправдаться перед давно забытыми обвинениями», но в знакомой ему исторической партитуре, появились фальшивые ноты. Понимая, что бывшее может быть безвозвратно утрачено, он и решил взяться за перо.

Уверенность в необходимости сделать это укреплялась в нем и другим обстоятельством. Дело в том, что когда-то сразу после возвращения из Пекина первой послереволюционной дипломатической миссии, он познакомился в поезде, увозившем его в Москву, с Иваном Михайловичем Майским. Будущий видный дипломат и историк только что опубликовал книгу о своей экспедиции в Монголию³. Услышав рассказы М.И. Казанина о Китае, И.М. Майский настоятельно советовал ему положить их на бумагу, как он сам поступил, опубликовав книгу о тогдашней Монголии. Но тогда Марк Исаакович не решился внять доброжелательному совету человека, дружба с которым прошла через всю его жизнь. Они вновь встретились в конце 50-х годов. Каждый испил свою чашу несправедливых репрессий. И.М. Майский, мемуарами которого зачитывались и в нашей стране и за рубежом, вновь напомнил своему другу о «старом долге». Увидела свет и блестящая книга экспедиционных дневников Василия Михайловича Алексеева «В старом Китае»⁴.

² *Гаршин В.М.* Соч. Петрозаводск, 1954. С. 234.

³ *Майский И.М.* Современная Монголия. (Отчет монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всероссийского центрального союза потребительских обществ «Центросоюза». Иркутск, 1921. — 126 с. с илл. и картами.

⁴ *Алексеев В.М.* В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г. М., 1958.

Марку Исааковичу удалось по памяти восстановить имена людей и ход событий. И главное, будучи талантливым писателем, всегда интересовавшимся психологическими мотивами человеческих поступков, он сумел красочно передать дух и романтику первых послереволюционных лет. Но прежде чем его мемуары, озаглавленные «Записки секретаря миссии», увидели свет, они подверглись довольно суровым испытаниям. Хотя это был период «хрущевской оттепели», когда многие ветераны, участвовавшие в оказании Советским Союзом помощи китайской революции, пытались рассказывать о том, о чем не положено было ранее говорить.

Тем не менее редакторов многое не устраивало. Они стремились осовременить речевые обороты, убрать ряд персональных характеристик, переделать текст на свой лад и вкус, чтобы он хоть как-то соответствовал конъюнктурным политическим установкам. Такое вмешательство наносило мемуарам как уникальному историческому источнику безусловный вред.

Историческая наука уже тогда выступала за бережное отношение к мемуарам как памятникам прошлых эпох, против их переработки в соответствии с «требованиями момента». Так, анализ мемуаров известного партизанского руководителя С.П. Вершигоры показал, что их переработка в конце 40-х годов «привела к появлению текста, менее адекватно отражавшего представления автора о событиях прошлого, чем первый вариант книги, т.е., по существу, привела к частичному искажению первоначального текста источника. Может быть, этот текст оказался более «правильным», менее очевидно расходившимся с принятыми в то время воззрениями, однако, думается, исследователи заинтересованы прежде всего в рассказе, с максимальной точностью передающем мысли, впечатления и чувства мемуариста»⁵.

Но у цензоров и редакторов были собственные представления. Автору пришлось выдерживать словесные баталии, прибегать к вынужденным компромиссам, чтобы спасти главное в своем детище.

Книга имела заслуженный успех у читателей. Но тем не менее Марк Исаакович не был удовлетворен. Он сохранил надежду, что когда-нибудь наступит другое время, и тогда его труд будет опубликован не в препарированном виде. Именно поэтому он оставил на сохранение авторский экземпляр рукописи своему младшему

⁵ Курносоев А.А. Приемы внутренней критики мемуаров (Воспоминания участников партизанского движения в период Великой Отечественной войны как исторический источник) // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 492 – 493. Типологию мемуарной литературы и ее значение для исторической науки см.: Мнухина Р.С. Источниковедение истории нового и новейшего времени. М., 1970. С. 179 – 203.

коллеге по китаеведческому цеху — автору этих строк. Другой такой же экземпляр хранился дома в личном архиве М.И. Казанина. После кончины вдовы Марка Исааковича — Гильды Георгиевны Казаниной — архив волею судеб попал к Феликсу Борисовичу Белелюбскому⁶. Причем последний успел передать казанинский экземпляр Михаилу Васильевичу Крюкову, а не в архив Института востоковедения РАН, как он указал в своей публикации⁷.

В последние годы в исторической науке наметилась вполне оправдавшая себя тенденция знакомить читателей с исходным текстом мемуаров. Так, например, поступил коллектив петербургских историков, руководимый академиком Б.В. Ананичем, издав стенограммы и рукописные заметки из архива С.Ю. Витте⁸. Это издание заменило исследователям и читающей публике мемуары С.Ю. Витте, изданные в советское время в весьма препарированном виде.

Сегодня мы издаем работу Марка Исааковича Казанина «Записки секретаря миссии» в полном соответствии с авторским оригиналом. Хотя должен заметить, что, судя по имеющемуся у нас тексту, он был существенно переработан автором еще до передачи в издательство. Первый вариант рукописи, судя по расклейкам, очевидно, был гораздо полнее. Что-то автор вырезал с горькой мыслью: все равно не напечатают; а кое-что сохранил с не менее горькой пометой: не для печати. Последнее мы, все-таки, решились опубликовать, так как считаем, что каждая мысль, каждое слово Марка Исааковича бесценно для исследователей первых шагов послереволюционной дипломатии нашей страны.

Книга М.И. Казанина «Записки секретаря миссии» (М., 1962; 2-е изд. — М., 1963) была первой в новом жанре советского китаеведения. Она открыла путь целому потоку мемуарной литературы, о котором мы упоминали выше. Особенно заинтересовали Марка Исааковича мемуары В.В. Вишняковой-Акимовой⁹, с которой он был давно и хорошо знаком. Эта книга не удовлетворила М.И. Казанина, и он позднее выступил со своими воспоминаниями об этом втором периоде его работы в Китае. Он озаглавил их «В штабе В.К. Блюхера»¹⁰.

⁶ См.: Белелюбский Ф.Б. Нет рецепта писать мемуары (Обзор архива М.И. Казанина) // И не распалась связь времен... К 100-летию П.Е. Скачкова. М., 1993. С. 73 — 84.

⁷ Там же. С. 83.

⁸ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1: Рассказы в стенографической записи. Кн. 1 — 2. СПб., 2003; Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2: Рукописные заметки. СПб., 2003.

⁹ Вишнякова-Акимова В.В. Два года в восставшем Китае. 1925 — 1927. Воспоминания. М., 1965. 2-е изд. М., 1980.

¹⁰ Казанин М.И. В штабе В.К. Блюхера. Воспоминания о китайской революции 1925 — 1927 годов. М., 1966.

Вторым компонентом представляемого тома являются статьи М.И. Казанина по проблемам международных отношений на Дальнем Востоке в конце 20-х — первой половине 30-х годов. В силу объективных причин эти статьи ранее не использовались историками-международниками и политологами. Они не утратили своей актуальности и носят характер источников по различным аспектам действий основных держав в регионе.

Наконец, нам удалось найти одну работу М.И. Казанина, ранее не знакомую нашим читателям. Это — «Из Москвы в Самарканд». Марк Исаакович был исключительно внимательным наблюдателем и тонким аналитиком. Его визит в советскую Среднюю Азию дал ему богатейший материал для раздумий о ситуации в этом регионе Советского Союза. Он понимал, что откровенный разговор с читателем по цензурным соображениям не возможен. Но и молчать он не мог. Возможно, он был первым советским диссидентом, который отдал свою рукопись для публикации на Западе. Книга вышла на английском языке в Великобритании в первой половине 30-х годов под псевдонимом Y.Z. Нам не известно, был ли русский оригинал этой работы. Автор свободно владел английским языком и мог писать свои записки сразу по-английски. В качестве переводчика могла выступать и его супруга Гильда Георгиевна Казанина, ирландка по происхождению¹¹. В данном издании мы решили привести эту работу в переводе на русский язык, мастерски выполненном Тамарой Александровной Каргановой.

Среднеазиатские впечатления пригодились Марку Исааковичу, когда он, чтобы оплатить кооперативную квартиру, решил написать приключенческую повесть «Рубин эмира бухарского»¹². Описание поездки по железной дороге, среднеазиатские пейзажи, фигуры и лица людей различных национальностей, обычаи и кулинарные особенности — все это всплывало в памяти автора. Занимательный жанр всегда ценился издателями высоко и неплохо оплачивался. Гонорар был вложен в двухкомнатную квартиру, «распашонку» как их тогда называли, на втором этаже в пятиэтажке на улице Новаторов.

Еще одной крупной работой М.И.Казанина стало издание дневников поездки в Цинский Китай в 1694 — 1695 гг. двух голландских коммерсантов Избранта Идеса и Адама Бранта, выполнявших в столице Поднебесной дипломатические поручения Петра I. Книга

¹¹ Следует напомнить, что Гильда Георгиевна Казанина перевела с русского на английский обе книги воспоминаний Марка Исааковича «Записки секретаря миссии» и «В штабе В.К. Блюхера», которые были опубликованы Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука» в 1973 г. в одном томе, озаглавленном «Китай в двадцатые годы» (*Mark Kasanin. China in the Twenties. M., 1973*).

¹² *Казанин М.И. Рубин эмира бухарского. М., 1964.*

М.И. Казанина — образцовое издание исторического источника. Свой перевод текстов с голландского языка XVII в. Марк Исаакович снабдил интереснейшим историческим предисловием и великолепными комментариями¹³. Как и приключенческая повесть, эта работа остается «за кадром» подготовленного нами тома, так как его основная цель — познакомить читателей с неизвестным Казаниным.

Видный африканист, профессор А.Б. Давидсон, который был знаком с Марком Исааковичем в 50-е — начале 70-х годов, обнаружил в своем архиве краткие записи своих бесед с Казаниным. Думается эта еще одна грань деятельности Марка Исааковича в науке будет интересна для наших читателей. Эти записи были использованы нами для подготовки биографического очерка о «дальневосточном европейце».

В.С. Мясников

¹³ *Идес И., Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китай (1692 — 1695) / Вступит. ст., пер. и коммент. М.И. Казанина. М., 1967.

**ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ЕВРОПЕЕЦ –
МАРК ИСААКОВИЧ КАЗАНИН
(1899–1972)**

Институт китаеведения АН СССР, созданный в конце 1956 г., получил помещения на первых двух этажах прекрасного административного здания в Китайском проезде, откуда выехало Министерство строительства электростанций. Именно здесь и произошла моя встреча с Марком Исааковичем Казаниным, которому меня представил Петр Емельянович Скачков. Поводом для знакомства послужила подготовленная мною публикация найденных в Центральном государственном архиве древних актов новых документов о первой поездке русских в Пекин в 1618 г. Петр Емельянович, прочитав мою статью, сказал: «Все это интересно, но надо бы показать Марку Исааковичу Казанину, пусть он посмотрит, если он даст добро, тогда вы можете спокойно отдавать это в журнал»¹.

Я не знал тогда, что Марк Исаакович, только что возвратившийся из ссылки, не захотел работать в научно-исследовательских институтах АН СССР, а существуя на скромную пенсию, ежедневно от открытия до закрытия трудился в третьем (научном) зале главной библиотеки страны, которую в народе называли Ленинкой. Он работал по собственному плану, чтобы познакомиться со всем, что появилось в китаеведении за время его отсутствия, и реализовать свои творческие замыслы. Петр Емельянович и дал ему на проверку мою работу.

Конечно, мне повезло, что моя работа прошла апробацию у такого специалиста, каким был Марк Исаакович. Мы встретились, но поскольку ни у него, ни у меня не было возможности найти в институте местечко, где можно было бы поговорить, Марк Иса-

¹ Мясников В.С. Новые документы о поездке в Китай Ивана Петлина // Советское китаеведение. 1958. № 1. С. 146 – 152.

акович предложил: «Проводите меня, пожалуйста, мне тут нужно недалеко к автобусу, который идет к Ленинке». Мы подошли к площади Ногина, но Марк Исаакович вместо того чтобы обойти ее по пешеходным дорожкам, пошел наискосок, невзирая на потоки машин. Я ему говорю: «Марк Исаакович, а вы не думаете, что на нас могут наехать?» Он чуть искоса бросил на меня быстрый взгляд и ответил: «Я работал дозиметристом на урановом руднике, у меня на столе лежал кусок радия, так что я ничего не боюсь, это их дело, пусть объезжают». Мы продолжили наш разговор, не отвлекаясь на снующие авто.

У каждого человека есть биография и есть судьба. Это далеко не всегда совпадающие величины. Так же как краткая автобиография и прилагаемая к ней характеристика, хранящиеся в личном деле у кадровиков. Биография — это то, что человек сам делает со своей жизнью, выбирает учебное заведение, профессию, супругу или супруга, воспитывает детей, строит дом и сажает деревья. Описание всего этого и становится жизнеописанием, биографией. Судьба — это то, что происходит с человеком помимо или даже против его воли, его желаний, стремлений. Но В.И. Даль неслучайно поместил существительное «судьба» в статью о глаголе «судить», указав первое значение: суд, судилище, судбище и расправа. Как тут не вспомнить судьбы многих, кто попал в сталинские лагеря! И как тут не вспомнить слова священного писания: «Не судите, да не судимы будете. Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить»². И уже второе значение у В.И. Даля: участь, жребий, доля, рок, часть (ср. греч. μοῖραгί — букв. часть, доля. — В.М.), счастье, предопределение, неминуемое в быту земном, пути провидения³. Древние китайцы верили, что судьба каждого записана в «Небесной книге» — «Тяньшу». У древних греков существовали три богини человеческой судьбы — мойры — дочери Зевса и Фемиды. Лахесис («дающая жребий») назначала судьбу человека до его рождения, Клото («пряduщая») — пряла нить человеческой жизни, и Атропос («неотвратимая») — обрывала ее. В Древнем Риме они получили название парки и считались дочерьми Юпитера и Ананке. Их изображали в виде трех старых женщин, из которых одна пряла нить жизни человека, другая проводила ее через все превратности судьбы, а третья перерезала эту нить.

Судьба складывается. Она складывается из обстоятельств уже не личностного, а иного порядка: происходят социальные катаклизмы — революции, войны, наказание государством собственного народа. XX век был богат на все эти судьбоносные проявле-

² Евангелие. Матф., 7. 1 — 2.

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. М., 2006. С. 355 — 356.

ния античеловеческой воли государственных мужей в России, Германии, Китае, Кампучии и многих других странах.

В России XIX столетия своеобразным эхом на наполеоновское нашествие и ироничным отношением к понятию «судьба» явилась песня «Шумел, горел пожар московский», которая была переделкой стихотворения «Он» (Наполеон), написанном поэтом Н.С. Соколовым в 1850 г.

Судьба играет человеком,
Она изменчива всегда,
То вознесет его высоко,
То бросит в бездну без стыда.

★ ★ ★

Впервые биографические данные Марка Исааковича Казанина привела в своих мемуарах В.В. Вишнякова-Акимова. Рассказав о визите в Ханькоу В.К. Блюхера, она, как бы продолжая тему, отметила: «Вскоре в Ханькоу переместился штаб южнокитайской группы. Из китаистов там работали Э.М. Абрамсон⁴ и М.И. Казанин. В дальнейшем Казанин — автор многих трудов по экономике Китая — работал в Научно-исследовательском институте по Китаю и в Институте мирового хозяйства и мировой политики. В 1937 году он был арестован и вернулся в Москву восемнадцать лет спустя. В 1962 году вышла в свет его книга воспоминаний «Записки секретаря миссии» о миссии ДВР в Китай в 1920 — 1921 годах»⁵.

При жизни Марка Исааковича вышла в свет монография В.Н. Никифорова «Советские историки о проблемах Китая»⁶. Она была посвящена памяти Петра Емельяновича Скачкова, и в ней вновь обрели научное гражданство многие китаеведы, пострадавшие в годы сталинских репрессий. В своем предисловии автор выразил М.И. Казанину благодарность, как одному из рецензентов рукописи. Причем М.И. Казанин был не столько критиком, сколь-

⁴ Абрамсон Мануил (Эммануил) Моисеевич (1898 — 1938), псевдоним Мазурин — китаевед, политолог. В гражданскую войну — участник Владивостокского подполья, в 1920 г. — заведующий китайской секцией Сибирского бюро РКП(б) в Иркутске, в 1921 г. — секретарь МИД ДВР в Чите. В 1928 — 1935 гг. сотрудник ИККИ, КУТВ и НИИ по Китаю, в 1935 — 1937 гг. сотрудник ИМХ и МП, преподаватель МИВ. Марк Исаакович рассказывал о нем: «Абрамсон так говорил по-китайски, что китайцы, не видя его, думали, что это говорит китаец». Подробнее см.: *Казанин М.И.* В штабе В.К. Блюхера. М., 1966. С. 40 — 41.

⁵ *Вишнякова-Акимова В.В.* Два года в восставшем Китае. 1925 — 1927. Воспоминания. М., 1965. С. 311 — 312; 2-е изд. М., 1980. С. 223 — 224.

⁶ *Никифоров В.Н.* Советские историки о проблемах Китая. М., 1970. С. 92, 144, 197, 274, 275, 296.

ко человеком, помогавшим (как и многим другим⁷) В.Н. Никифорову восстановить или уточнить ряд фактов и событий.

Краткая научная биография Марка Исааковича появилась в первом и последующих изданиях «Биобиблиографического словаря отечественных востоковедов»⁸.

Гораздо полнее биография М.И. Казанина была воссоздана теми, кто специально поставил задачу осветить роль в науке тех востоковедов, которые пострадали в ходе необоснованных репрессий. Чтобы нагляднее показать отличие биографии от судьбы, приведем этот вариант биографии Марка Исааковича полностью:

«Казанин (псевд.: Таневский) Марк Исаакович (1899 – 1972) – китаевед, историк и экономист; писатель. Род. в г. Кривой Рог. В 1906 вместе с родителями выехал в Маньчжурию (Харбин); впоследствии родители и брат К. уехали в США. Учился в Коммерческом училище, ВВИ (1917 – 29), 1-й секр. дипл. миссии ДВР в Китае (1920 – 1921). В 1922 – 23 преп. МИВ, по направлению которого в 1923 находился в Германии, где поступил слушателем в Лейпцигский ун-т. В 1924 – 26 секр. Представительства ВСНХ в Лондоне; здесь получил диплом кит. отд. Вост. Ин-та Лондонского ун-та. Сотр. воен. миссии В.К. Блюхера в Китае (1926 – 27). После возвращения в СССР преп. в КУТК (1927 – 32), КУТВ, ИКП, МИВ, МГУ; сотр. НИИ по Китаю и ИМХиМП. Перед арестом участвовал в коллект. работе ИМХиМП «Эк.-геогр. очерки провинций Китая». Арестован не позднее 5 сент. 1937, 4 дек. 1937 осужден ОСО при НКВД СССР на 5 лет ИТЛ (ст. не указана). Освобожден по отбытии срока из УхтижемЛага (Коми АССР)⁹ 10 сент. 1942 г. Повторно арестован в 1951 г. 22 сент. того же года осужден ОСО при МГБ СССР на 15 лет ИТЛ (ст. 58-1а УК РСФСР). Освобожден из лагеря в Омской обл. 28 июля 1956 с «полной реабилитацией». По первому делу реабилитирован в 1957. До ареста был известен гл. обр. как специалист по эк. географии Китая, один из основоположников этой дисциплины в СССР. После освобождения много занимался историей рус.-кит. отношений, пер. и публ. источников по истории Китая»¹⁰.

⁷ Никифоров В.Н. Советские историки о проблемах Китая. С. 163.

⁸ Милибанг С.Д. Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов. 1975, 1977, 1995; Она же. Востоковеды России. Биобиблиографический словарь. В 2 кн. М., 2008.

⁹ В болотистой местности в верховья реки Ижмы, где близ поселков Ухта и Ижма находились железнодорожные станции, был один из многочисленных «портов Архипелага». Их оборудовали «на всех железнодорожных узлах, во всех перевальных пунктах, где кончаются рельсы и начинается река, или поворачивает река и начинается пешая тропа». (Солженицын А.И. Малое собр. соч. Т. 5. Архипелаг ГУЛаг. 1918 – 1956. Опыт художественного исследования. I – II. М., 1991. С. 374).

¹⁰ Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917 – 1991) / Изд. подг. Я.В. Васильков и М.Ю. Сорокина. СПб., 2003. С. 189 – 190.

Когда же говорят о судьбе человека, то и многие факты выглядят по-другому, и звучание слов иное. Они уже гулки, как колокольный набат. Для подготовки данного очерка я решил обратиться к документам Центрального архива Управления регистрации и архивных фондов ФСБ России. Запрос был направлен от имени дирекции Института востоковедения РАН, и я несколько месяцев ждал ответ на него. В результате доступ к документам дела Марка Исааковича не был для меня открыт. Но я получил обзор этих документов, подготовленный сотрудниками архива «с использованием приемов сокращений передачи содержания документов в виде регестов (извлечения, выдержки, аннотирование по смыслу)»¹¹. Вот этот регест и является свидетельством того, что называется судьбой человека. Передаю его полностью:

«Уважаемый Ростислав Борисович!

На Ваш запрос сообщаем, что в управлении регистрации и архивных фондов ФСБ России находятся на хранении архивные уголовные дела в отношении Казанина М.И.

Как видно из материалов дел:

Казанин Марк Исаакович, 1899 г.р., уроженец г. Кривой Рог Херсонской губернии, из мещан, беспартийный, образование высшее, на момент ареста — старший научный сотрудник Института мирового хозяйства и мировой политики Академии Наук СССР.

Казанин М.И. с 1907 по 1917 гг. вместе со своими родителями проживал в г. Харбине (Маньчжурия), учился в коммерческом училище.

В мае 1917 г. поступил учиться на китайское Отделение Восточного института во Владивостоке, по окончании с 1920 г. до весны 1923 г. работал преподавателем по истории международных отношений Китая в Институте Востоковедения в г. Москве, затем уехал в Германию, учился в Лейпцигском университете до осени 1924 г., после чего поступил на 3-й курс Восточного факультета Лондонского университета, который окончил в 1925 г. и был принят на работу секретарем представительства ВСНХ СССР в Англии. Находясь в Лондоне, в 1925 г. женился на английской подданной — Долан Г.Г., которая после замужества приняла советское гражданство.

После непродолжительного проживания во Франции и Италии, в январе 1927 г. переехал в Китай, где работал переводчиком китайского языка в аппарате военного советника Роллана при штабе

¹¹ *Виноградов В.К.* Вопросы археографической культуры в процессе введения в научный оборот рассекреченных документов из архивов ФСБ России // Проблемы публикации документов по истории России XX века. Материалы Всероссийской научно-практической конференции научных и архивных работников. Москва, 12 июня 1999 г. М., 2001. С. 109 – 110.

Блюхера, в августе 1927 г. уехал в Советский Союз и поступил на службу старшего научного сотрудника в Институт по Китаю (впоследствии институт был влит в Институт мирового хозяйства Академии Наук СССР).

Арестован 3 сентября 1937 г. и по постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 4 декабря 1937 г. «за контрреволюционную деятельность» заключен в ИТЛ сроком на 5 лет.

Наказание отбывал в Ухто-Ижемском лагере МВД СССР. В 1942 г. Казанин М.С. срок наказания отбыл, но в связи с военной обстановкой был задержан в Ухто-Ижемском лагере МВД СССР до 1946 г. и работал там вольнонаемным в качестве лаборанта химической лаборатории. Осенью 1946 г. освобожден.

Определением военного трибунала Московского округа от 1 июля 1957 г. постановление от 4 декабря 1937 г. отменено и дело прекращено за недоказанностью предъявленного обвинения.

Повторно арестован 26 ноября 1948 г. и по постановлению Особого совещания при МГБ СССР от 22 сентября 1951 г. «за шпионскую деятельность» заключен в ИТЛ сроком на 15 лет.

Казанин М.И. обвинялся в том, что занимался шпионской деятельностью в пользу английских и японских разведывательных органов против СССР. В 1933 г. вел записи антисоветского содержания, написал и издал в Лондоне рукопись «Из Москвы в Самарканд» с отрицательными отзывами о быте советских людей.

По постановлению Комиссии Президиума Верховного Совета СССР по рассмотрению дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления и УИТЛ УМВД Омской области от 25 июля 1956 г., в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24.03.1956 г., Казанин М.И. из-под стражи освобожден с полной реабилитацией.

В материалах дела имеются сведения о родственниках: жена — Казанина Гильда Георгиевна, 1899 г.р., отец — Казанин Исаак Самойлович, проживал в США, умер в 1942 г., брат Казанин Яков Исаакович, 1897 г.р., проживал в США.

Одновременно информируем, что в соответствии со ст. 25 п. 3 Федерального Закона «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22 октября 2004 года, ограничение на доступ к архивным документам, содержащим сведения о личной и семейной тайне гражданина, его частной жизни, а также сведения, создающие угрозу его безопасности, устанавливается на срок 75 лет со дня создания указанных документов. С письменного разрешения гражданина, а после его смерти с письменного разрешения наследников данного гражданина ограничение на доступ к архивным документам, может быть отменено, ранее, чем через 75 лет со дня создания указанных документов.

Первый заместитель начальника Управления А.В. Васильев».

Восстанавливать картину биографии и судьбы Марка Исааковича приходится, пользуясь самыми различными источниками. При жизни задавать ему многие вопросы было как-то неудобно. Сам он не любил о себе распространяться. Но тем не менее о своей жизни и работе в Китае М.И. Казанин рассказал в книгах воспоминаний «Записки секретаря миссии» и «В штабе В.К. Блюхера»¹². А вот о лейпцигском и лондонском периодах его жизни сведений почти не сохранилось. Мы опираемся только на переписку Марка Исааковича с Иваном Михайловичем Майским.

После знакомства в поезде, когда он возвращался из поездки в Китай, Марк Исаакович продолжал свои отношения с Иваном Михайловичем Майским. Насколько дружественными они стали, можно судить по письмам к Майскому в Петроград, где Иван Михайлович возглавил в 1923—1925 гг. журнал «Звезда». По ним же мы можем представить себе заботы, одолевавшие М.И. Казанина в годы учебы в Лейпцигском университете. Так, 3 октября 1923 г. Марк Исаакович спешил сообщить Ивану Михайловичу:

«Ура! Ура! Ура! Сегодня для вас куплен колоссальнейший Handbuch der Politic¹³, спешно грузится на верблюдов и Абрамсон везет во главе своих собратьев этот пятитомный клад. Он будет со своим караваном в вашей далекой северной столице числа 18 сего месяца. Следите, еле заметная точка уже движется из Лейпцига в Берлин, потом в Штеттин, по Балтийскому морю и т.д. Впрочем, вы ведь ничего такого не видите: ведь для Вас, по выражению незабвенного Сафарова¹⁴ где-то далеко верещит Малая Антанта, злобно кривляется Румыния и т.д.

Наконец! Наконец! Мы оправдали себя, нам все отпускается за Handbuch. Ведь цель оправдывает средства, как говорила старая кухарка, цедя кофе сквозь свой старый чулок¹⁵. Впрочем, эта половица, кажется, здесь не совсем подходит. Следовало бы сказать: конец венчает дело, как сказал старый кооператор, попав под вагон конки.

Нежно целуем вас и ждем ручки Агнии Александровне. Получили ли письмо и книги через чилийца? Абрамсон так потрясен

¹² Казанин М.И. В штабе В.К. Блюхера. Воспоминания о китайской революции 1925—1927 годов. М., 1966.

¹³ Очевидно, это был политический справочник «Handbuch der Politik. Berlin, Leipzig, Grunewald, 1920—1922. Т. 15.

¹⁴ Сафаров Георгий Иванович (1891—1942) — партийный и политический деятель. О нем см.: Майский И.М. Избранная переписка с российскими корреспондентами. В 2 к. Кн. 1. 1900—1934 / Отв. ред. ак. В.С. Мясников, сост. к.и.н. Н.В. Бойко, д.политол. н. А.Д. Воскресенский, Н.П. Староверова, Э.В. Харольская. М., 2005. С. 562 (далее: Майский И.М. Избранная переписка...).

¹⁵ Цель оправдывает средства — выражение, заимствованное иезуитами у английского философа Томаса Гоббса (1588—1679).

моим остроумием, что только всхлипывает в углу, бьет себя в геройскую, как у старого зайца, грудь, и что-то шепчет. Аминь!»¹⁶

Если это письмо — образец дружелюбного казанинского юмора, то следующее, от 20 ноября 1923 г., раскрывает нам творческие замыслы Марка Исааковича, в том числе и касающиеся публикуемой нами книги «Записки секретаря миссии», а также его подход к отечественному китаеведению той поры. Поэтому и его мы приводим полностью:

«Уважаемый Иван Михайлович,

не думаю, чтоб какой-нибудь толк вышел из обещанной вам брошюры о Китае¹⁷. Я уже несколько раз пробовал приниматься, но должен признаться, что больше всего мне мешает в этой работе боязнь кустарничества, которая является главной причиной, что я остался у немцев заниматься.

Вспоминаю ваши слова, что немцы и китайцы вам по душе, потому что оба рационалистические народы (или объективно-рациональные). Так-то оно так, но до сути их все-таки трудно добраться. Вот сказали бы вы, И.М., два слова, ну хоть немного, но так, чтобы облегчить этот тяжелый запруженный людьми, их изделиями, а также, конечно, ослами и верблюдами путь.

Но к делу, *Lassen Sie im Stich*¹⁸ я не хочу, и свое обещание хочу сдержать — только в другой форме. Я здесь нашел прекрасную книгу о Китае, написанную при[ват]-доц[ентом] здешнего унив[ерсите]та Эркесом¹⁹. Книга исключительная по сжатости, богатству и полной практичности материала — это плод блестящей обработки всего колоссального современного материала. В ней около 160 стр. обычного (довольно убористого) шрифта и содержание таково: географический очерк и естественные условия, этнография, история (по наши дни), материальная культура (земледелие, промышленность и техника) и духовная (религии, искусство и литература) и библиография²⁰. Такой книги у нас в России не напишут и через 10 лет, т.к. кроме того, что к ней нужно столько време-

¹⁶ Майский И.М. Избранная переписка... Кн. 1. С. 213–214.

¹⁷ Речь идет о предложении И.М. Майского Казанину написать о его поездке в Китай в качестве секретаря миссии ДВР, сделанном еще во время их первой встречи. Очевидно, И.М. Майский продолжал напоминать об этом.

¹⁸ Подвести Вас (нем.).

¹⁹ Вероятно, это книга: *Erkes E. China*. Gotha; Stuttgart, 1919.

²⁰ Эта книга была написана по методологии, предложенной основоположником английского научного китаеведения Р. Моррисоном в его труде «A view of China for philological purposes: containing a Sketch of Chinese chronology, geography, government, religion, & customs designed for the use of persons who study the Chinese language» (By rev. R. Morrison. L., 1817).

ни готовиться, нельзя ручаться, подберется [ли] у нас свой Эркес²¹.

К сожалению, книга, вышедшая в 1919 г., вся распродана (было выпущено 1000 экз.) и теперь готовится второе издание, оба у Andreas Perthes, Gotha. Но автор, которому я рассказал про вас и вашу книгу (он читает по-русски), выразил готовность выслать вам свой авторский экземпляр, если вы пришлете ему свою книгу «Современная Монголия».

Я советую и прошу это сделать, если вы к этому имеете возможность, и делаю это не только потому, чтоб в какой-нибудь мере расквитаться за свое обещание, но потому, что считаю ее необыкновенно полезной для студентов или всякого изучающего Китай. Автор обещается еще до выхода второго издания в Германии предоставить в ваше распоряжение свои к нему дополнения. Такой книги у нас нет со времен Тужилина (1910)²², но бездарность тужилинской книги делает ее бесполезной.

Если основательно посмотреть на дело и стремиться дать научно-практическую литературу о Китае — я рекомендовал бы следующее: 1) Получить и перевести книгу Эркеса — как очерк материального и духовного состояния Китая, 2) купить у Янсона²³ мой статистико-экономический очерк Китая — там исключительно цифры и положение на последние годы, причем все проверено по China Year Book of 1923, который я одалживал у Льва Михайловича К[арахана]²⁴. Я его (свой очерк. — В.М.) продал РИО Внешторга,

²¹ К этой фразе Марк Исаакович сделал примечание: «Особенно при составе синологов таких как Абрамсон. И ничего смешного тут, Скалепуша (вероятно, от англ. scale up — увеличивать масштаб — т.е. тот, кто преувеличивает — В.М.), нет. Это даже очень грустно». В России аналогом книги Е. Эркеса можно считать перевод с 2-го англ. изд. работы Э. Паркера «Китай, его история, политика и торговля с древнейших времен до наших дней». СПб. 1903. В советском китаеведении первой попыткой системного подхода к Китаю был коллективный труд: Китай. История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость. Сб. ст. / Под ред. В.М. Алексеева, Л.И. Думана, А.А. Петрова. М. — Л., 1940.

²² Тужилин А.В. Китай. Очерки из современной жизни Китая. Харбин, 1910.

²³ Янсон Яков Давидович (1886 — 1939) — государственный и партийный деятель, автор статей о Китае. С сентября 1917 г. — член Иркутского комитета РСДРП(б), после Октябрьской революции — член Иркутского ревкома, председатель Иркутского совета, представитель НКВД РСФСР и Коминтерна на Дальнем Востоке, представитель РСФСР в ДВР, министр иностранных дел ДВР. Позднее — директор Дальневосточного издательства, затем зав. редакцией издательства «Академия».

²⁴ Карахан Лев Михайлович (наст. имя и фамилия Левон Караханян) — профессиональный революционер, дипломат. В 1918 — 1923, 1925 —

но там его решили присоединить к какому-то дальневосточному сборнику и пока все лежит под сукном; гл[авный] набл[юдатель] за д[альне]в[осточным] изданием — Янсон и 3) написать очерк (довольно простой, т.к. предыдущие 2 книги упрощают задачу) политических отношений в Китае и перспектив, необходимых для работников в Китае. Я не вижу другого пути, как если бы вы заказали ее Ходорову²⁵ или написали бы сами.

Во всем, что касается меня, я готов помогать, чем могу, для выполнения этого плана — издания основных книжек для библиотеки о Китае.

Я состою в вашем полном распоряжении в Германии и т.к. я теперь знаю и язык, и людей и имею связи, то думаю, что все Ваши книжные или информационные поручения сумею исполнить гораздо быстрее, чем весной. Тов. Абрамсон объяснит вам, что деньги очень усложняют дело и что необходима высылка их при всяком заказе вперед, лучше всего через банк.

Если б оказалось, что у вас нашлись бы две книжки «Монголии», я вторую бы отдал другому профессору Веллеру, и смог бы в обмен получить для Вас другую книгу.

Кланяюсь Вам и А.А.

Ваш М. Казанин»²⁶

О жизни в Лондоне в 1924 — 1926 гг. Марк Исаакович как-то обронил фразу, что китайский язык ему на китайском отделении Института востоковедения при Лондонском университете преподавал великий китайский писатель Лао Шэ.

Но в начале 1925 г. он встретился в британской столице с И.М. и А.А. Майскими. Иван Михайлович был направлен туда в ранге советника для укрепления состава полпредства в связи с тяжелой болезнью Л.Б. Красина и в марте — апреле 1926 г. исполнял обязанности полпреда. В это время он получил письмо из Кайфына от Абрамсона, прикомандированного к штабу В.К. Блюхера. Часть этого письма, датированного 30 августа 1925 г., касалась М.И. Казанина. Вот что предлагал Абрамсон Майскому:

1934 гг. — заместитель наркома иностранных дел РСФСР/СССР, в 1923 — 1922 — полпред в Польше, в 1923 — 1927 гг. — в Китае, 30 мая 1924 г. заключил Соглашение об общих принципах отношений между СССР и Китайской Республикой, в 1934 — 1937 гг. — в Турции.

²⁵ Ходоров Абрам Евсеевич (1886 — 1949) псевдоним Дельта — журналист, востоковед-экономист, историк Китая. С 1923 г. — зам. председателя Российско-Восточной Торговой палаты, преподавал в ВА РККА, МИВ, ЛИЖВЯ — ЛВИ. В 1936 г. арестован и выслан на 5 лет. С 1945 г. преподаватель МГПИ, с 1947 г. — в МГУ. Вторично арестован в 1948 г. Умер в заключении.

²⁶ *Майский И.М.* Избранная переписка... Кн. 1. С. 217 — 218.

«Я получил от Казанина письмо. Он пишет, что Ив[ан] Мих[айлович] не прочь бы сюда приехать. Это было бы не плохо. Как успехи А[гнии] А[лександровны], скоро ли выступит в Grand Opera в Париже.

Дорогой Иван Михайлович, простите за небольшую просьбу. Моя переписка с Каз[аниным] отсюда очень затруднена техническими причинами, прошу вашей любезности передать ему как-нибудь письмо, которое я адресую в Вашем конверте. Если вздумаете мне ответить, пишите мне в Пекин в полпредство, а здесь мне перешлют.

Относит[ельно] Каз[анина] я считаю Ваше мнение о необходимости для него поработать в НКВД неправильным. Как прием туда, так и отправка сюда связаны с большой волянкой. Если бы он приехал сюда непосредственно, имея, скажем, письменную справку от Вас о его личности, он бы скорее мог получить работу.

Ваш Абрамсон»²⁷

Это интересное дополнение к воспоминаниям Марка Исааковича «В штабе В.К. Блюхера». Работу Марк Исаакович получил в южной группе советских специалистов, помогавших национально-освободительной борьбе китайского народа. И вот уже 19 февраля 1926 г. он, как свидетельство своего отменного самочувствия в Китае, направляет из Ханькоу в Лондон И.М. Майскому шутиливое письмо в стихах:

Дорогой Иван Михайлович, Газетович, Журналович,
И дорогая Агния (блести при свете магния!),
Пишу Вам из Ханькоу я, из старого Китая,
Где слезы лью и плачу, о вас всех вспоминая.

Ведь вот уж скоро год, как с вами мы расстались,
И в ваших я глазах, наверно, оскандалился,
Что не писал, не посвятил хотя б одной минуточки,
Не верьте мне, не позабыл я вас ни малой, малой чуточки.

Я помню Лондон, большущий, грязный, скучный,
И Кью²⁸ причудливый, приветливый, своелучный,
И вас, моих учителей, мучителей, гонителей,
Всегдашних покровителей и извергов-теснителей.

Историю люблю я: и из одной истории
В другую попадаю вот в раз уже который я,
Но к чему рассказывать вам историю еврейскую,
Когда теперь мы делаем историю европейскую.

Не только европейскую, а также азиатскую,
И шатию вы нашу не забыли братскую,

²⁷ Там же. С. 266.

²⁸ Кью — Кью-гарденс (Kew-Gardens) — ботанический сад в лондонских предместьях, близ которого в 1925 — 1926 гг. жила семья Майских.

Моню, Клару, Веру и Петю, Маню, Филю²⁹
И уж конечно грозу империализма — Тилли³⁰.

А как живет, что делает Зигфрида сочинение³¹
И кончилось ли на горняка роман гонение?
Пишите мне письмо скорей самодлинящее,
Веселое да звонкое, как Агния поющая.

Нет, вряд ли вы напишете! Ах, бюрократы старые,
В году вот девятнадцатом вы были всех поджарее.
Теперь ж с Шекспиром снюхались, сдружились, переведались,
Поди и с самим Байроном не раз уже обедали.

Довольно слов и шуточек совсем не остроумных,
И разговоров, по мнению Мони, почти что слабоумных.
Пишите же мне в Консульство и адресуйте Лотову,
И будут письма ваши нам слаще меда сотова.

[М. Казанин]³²

Возвратившись в конце 1927 г. из Ханькоу в Москву, Марк Исаакович поступил на работу в закрытый НИИ по Китаю. Он публикует ряд научных статей, готовит монографию, ведет преподавательскую деятельность. Зарплата в Институте была небольшая, но материалы, готовившиеся для ЦК ВКП(б) и других инстанций, как он вспоминал в разговорах со мной, оплачивались очень хорошо.

На этот период его жизни проливает свет запись беседы с Марком Исааковичем, сделанная профессором Аполлоном Борисовичем Давидсоном 28 июня 1969 г. Почти одновременно с НИИ по Китаю М.И. Казанин начал работать в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВе). «В 1928 г. его пригласили читать лекции по географии на англ[ийском] языке группе студентов из Индии. Это были 4 молодых человека из Гоа. Фамилии их он не знал и не спрашивал. В связи с этим [он] и был знаком с КУТВом и, в какой-то степени — с товарищами и администрацией». Напомним, что в этот же период в НИИ по Китаю и в КУТВе сотрудничал и давний друг Казанина Э.М. Абрамсон.

²⁹ Сотрудники советских учреждений в Лондоне, собиравшиеся в доме у Майских.

³⁰ Уменьшительное имя Гильды Георгиевны, супруги М.И. Казанина.

³¹ *Зигфрида сочинение* — Речь идет об английском шахтере и писателе Гарольде Хэзлопе (Harold Heslop. 1898 — 1983). Его роман «Под властью угля» был издан на русском яз. в 1926 г. Он побывал в СССР в 1930 г. на проходившей в Харькове конференции революционных и пролетарских писателей. Известен также его роман «Последняя клеть вниз» («Last Cage down»). Зигфрид — очевидно, его прозвище в кругу друзей. От нем. Сигурд — герой, сражавшийся с силами хаоса и совершивший множество подвигов, в том числе одолевший дракона. В «Песне о нибелунгах» он назван Зигфридом.

³² *Майский И.М.* Избранная переписка... Кн. 1. С. 272.

«В то время в Москве было два учреждения, занимавшиеся Востоком, — рассказывал Марк Исаакович. — Оба они так или иначе шли по линии Ком[мунистического] Интернационала (руководство, хозяйство, линия). Это были КУТВ и НИИ по Китаю, [они были созданы и существовали] сначала при Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (УТК. — В.М.), потом — при Коммунистическом Университете трудящихся Китая (КУТК. — В.М.) и еще потом — при ЦК (или при Коминтерне), что было одно и то же.

Оба учреждения имели свои журналы и в какой-то степени конкурировали. НИИ по Китаю издавал «Проблемы Китая» (больш[ой] журнал, [вышли в свет] номера с 1 по 14). КУТВ издавал «Революционный Восток». Авторы иногда [были] одни и те же. Мы (китаисты) знали и людей из НИАНКП [Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем], некоторые их сотрудники переходили к нам, но ни слияния, ни координации не было. В первую очередь надо спросить Губера А.А. — сотрудника НИАНКП³³.

Самым интересным из сотрудников НИАНКП считался Якобсон. Самый думающий [был]. Но умер рано. Писал под этой фамилией³⁴.

Помещались КУТВ и НИАНКП в Путинковском пер[еулке] в здании бывшей Мариинской гимназии.

Затем НИАНКП и «Революционный Восток» стали хиреть. Позже закрылся КУТВ. Из КУТВа вышла [Московская Ленинская школа] МЛШ, помещалась она на улице Воровского, и, как верх идиотизма, — [на]против британского консульства (МЛШ — в доме не доходя до Ин-та Горького³⁵, в новом доме железобетонном, с претензией на модерн, [в котором] громадные окна). Но были и закрытые отделения. В [19]35 — [19]36 [годах] или в 37-м К[азанин] преподавал на закрытом отделении МЛШ на Тверском бульваре, 13 — китайцам (человек 10 — 12). На занятиях присутствовала и занималась Прагер Павла Исааковна — жена Мифа³⁶».

³³ Академик Александр Андреевич Губер с 1927 по 1937 г. также преподавал в КУТВ.

³⁴ См.: Я[кобсо]н Г. К вопросу о пережитках феодализма в современном Китае. // Революционный Восток. 1927. № 2. С. 3 — 48; Он же. Положение рабочего класса в Китае. (Заметки и материалы к изучению проблемы) // Революционный Восток. 1928. № 3. С. 22 — 65; Он же. О некоторых проблемах текущего этапа китайской революции // Революционный Восток. 1928. № 4 — 5. С. 5 — 44.

³⁵ Институт мировой литературы им. А.М. Горького, ул. Поварская д. 25а.

³⁶ Миф Павел (настоящие имя и фамилия Михаил Александрович Фортус, 1901 — 1938) — член РДСРП(б) с 1917 г. Проректор УТК в 1925 — 1927 гг., ректор УТК — КУТК в 1927 — 1929 гг. Зам. заведующего Восточным ленинградским секретариатом ИККИ в 1928 — 1935 гг. Политический помощник Генерального секретаря ИККИ Г.М. Димитрова в 1935 г. Ректор КУТВ в

В 1932 г. Научно-исследовательский институт по Китаю при Коммунистической академии выпустил в свет первое издание «Библиографии Китая» П.Е. Скачкова, которая имела подзаголовок «Систематический указатель книг и журнальных статей о Китае на русском языке. 1730 – 1930». Книге было предпослано два предисловия – от НИИ по Китаю и от автора. В конце своего авторского предисловия П.Е.Скачков выражал благодарность за особо ценные указания при просмотре работы сотрудникам НИИ по Китаю М. Абрамсону, М. Андрееву, М. Казанину, Н.М. Каплан, Г. Кара-Мурзе. Очевидно, в это время и состоялось знакомство Петра Емельяновича с Марком Исааковичем, переросшее затем в прочную дружбу.

В 1934 г. в Лондоне вторым изданием вышла книга очерков Марка Исааковича о его поездке в Самарканд³⁷. Три года спустя эта книга была включена в состав обвинений, выдвинутых против автора следователями НКВД.

В конце 1934 – начале 1935 г. перед советским правительством встал вопрос об использовании российской части боксерской контрибуции, о чем говорилось еще в советско-китайском Соглашении об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой, подписанном 31 мая 1924 г. в Пекине. По условиям Соглашения, подкрепленным специальной декларацией, Советский Союз отказывался от унаследованной им части «боксерского возмещения» в сумме около 100 млн рублей. Советская сторона предложила, чтобы эти деньги были направлены исключительно на развитие народного образования в Китае.

4 января 1935 г. из Восточного отдела НКВД СССР на имя заместителя наркома Б.С. Стомонякова была направлена докладная записка, в которой помощник заведующего отделом Боровой сообщал: «В ряде бесед с работниками Института по Китаю при Коммунистической академии и на специальном совещании в Отделе, на котором присутствовали гг. Канторович, Абрамсон, Гриневич, Кара-Мурза и Казанин (работники этого же Института), я выяснил их соображения по поводу использования русской доли Боксерской контрибуции». Большинство экспертов склонялось к тому, чтобы не вести никакого строительства в северо-западных районах Китая, находившихся под властью Чан Кайши.

И только М.И. Казанин при обмене мнениями «защищал предложение направить эти суммы на ирригационное строительство, [что] принесло бы огромную пользу сельскому хозяйству Китая, или

1936 г. Директор НИИНКП в 1937 г. Арестован 11 декабря 1937 г., расстрелян 28 июля 1938 (см.: *Панцов А.В.* Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция. 1919 – 1927. С. 142 – 144, 236, 242, 243, 246, 250, 251, 262, 266, 267, 366, 417).

³⁷ From Moscow to Samarkand / By Y. Z. Second impression. L., 1934.

а) создания спец[иального Комитета] с участием наших и кит[айских] представителей по типу существующего в Китае при Комитете Помощи Голодающим специального органа с участием кит[айских] деятелей, занимающихся работами в довольно широких размерах, или б) передачи этих средств этому Комитету Помощи Голодающим со включением нашего представителя в его состав».

Это предложение было отвергнуто совещанием как совершенно неприемлемое, и совещание пришло к выводам, что вопрос о российской доле боксерской контрибуции «по собственной инициативе пока не поднимать», но «при этом во всех случаях подчеркивать право на распределение боксерских сумм, вытекающее из договора 1924 г. и продолжать добиваться предоставления справки о состоянии счетов»³⁸.

Итак, только эксперт М.И. Казанин внес конкретные предложения, касающиеся использования российской части боксерской контрибуции на нужды китайского народа. Думается, что принятие любого из его предложений в случае реализации оставило бы в памяти китайского населения заметный след и способствовало бы укреплению положительного отношения к СССР.

Наконец, Марку Исааковичу удалось обобщить свои статьи по экономической географии Китая, и в 1935 г. головное издательство — Соцэкгиз — опубликовало его монографию³⁹. Книга была построена как учебное пособие по тому же принятому в европейской синологии принципу, о котором автор в свое время сообщал И.М. Майскому, рекомендуя ему книгу Е. Эркеса. Помимо очерка физической географии читатель находил здесь разделы о населении, транспорте, сельском хозяйстве, промышленности и ее размещении, рабочем классе. После каждой главы следовали большие библиографические указатели литературы на русском и иностранных языках. В книге объемом в 227 с. было 59 картограмм, схем и рисунков. Автор стал первым специалистом не только по экономике Китая, но и по регионам этой страны.

Поэтому не случайно, что «в 1936 г. К[азанина] пригласили в КУТВ и предложили читать курс географии Китая. Предлагал [это новый] ректор КУТВа Покровский⁴⁰ и его жена Мельман»⁴¹. Одна-

³⁸ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 19. П. 182а. Д. 15. Л. 1 — 1 об.

³⁹ Казанин М.И. Очерк экономической географии Китая / Под. ред. П. Миф. М. — Л., 1935.

⁴⁰ Очевидно, это был С.А. Покровский, автор брошюры: «Вопросы китайской революции» (Л., 1927), в которой он анализировал характер китайской революции, а также стратегию и тактику Коминтерна и оппозиции. Двадцать лет спустя он опубликовал книгу «Внешняя торговля и внешняя торговая политика России» (М., 1947).

⁴¹ «Деньги за лекции в МЛШ и КУТВе платили очень большие», — отметил М.И. Казанин, беседуя с А.Б. Давидсоном.

ко, как вспоминал Марк Исаакович, «КУТВ на глазах хирел — тут же ректор Лен[инградского] Института востоковедения Амагаев предложил К[азанину] читать такие же лекции в Ленинграде. Людей уже не было», — объяснил Марк Исаакович, подразумевая начавшиеся массовые репрессии. И 3 сентября 1937 г. он сам был арестован. Известная специалист по Японии Фани Исааковна Тодор рассказывала, что «Казанина взяли прямо в научном читальном зале Ленинки». Было ли это во время первого или второго ареста — неизвестно.

Как-то он сказал мне: «Следователь не знал, что со мной делать, и говорит мне, давай, я тебя пущу по делу Арсеньева⁴². Я ему отвечаю, что я даже не был знаком с Арсеньевым. Хорошо, что я отказался. Их там всех потом расстреляли».

О жизни в лагерях он не любил говорить. Однажды, сидя у Казаниных на кухне за чашкой чая, я сказал глупость, заметив, что из-за войны, болезни и работы на стройке потерял 4 года, которые мог бы использовать для научной работы. Мои хозяева расхохотались: «И это он говорит нам, столько лет проведенным в лагерях!»

В другой раз, как бы выходя из задумчивости (может быть, вспоминал что-то), Марк Исаакович сказал мне: «Не идеализируйте всех, кто был в лагерях, сволочи там тоже хватало».

Отбыв в лагерях два срока, в общей сложности 16 лет, М.И. Казанин 24 марта 1956 г. был освобожден из-под стражи с полной реабилитацией. Как и большинство невинно пострадавших, он не был сломлен, не был ожесточен. Он возвращался к нормальной жизни. Этой жизни судьба отвела ему тоже 16 лет. Но он, слава Богу, не знал этого, как не знает ни один человек. Но ему уже исполнилось 57, и что он хорошо знал, так это то, что ему нужно успеть многое, и поэтому следует беречь время, и не тратить его попустякам. Главным делом его жизни стало творчество, та самореализация, которая дает высшее удовлетворение. И еще он понимал, что не следует разменивать себя на отношения с каким-либо начальством — пустая трата времени и нервов. Общаться он решил только с теми, кого выбирал сам. И наконец, продолжать жить по правде, ибо помнил французскую поговорку: «морщины появляются только от беспокойной совести».

У него был редкий дар пронизательности. Он видел человека насквозь, оценивая побудительные мотивы его поведения. Однажды он спросил меня об одном общем знакомом: «Как вы думаете, что его все время гонит, от чего он стремиться уйти?» Я не мог

⁴² Арсеньев Владимир Клавдиевич (1872 — 1930) русский географ, этнограф исследователь Дальнего Востока. В период репрессий участников его экспедиции, продолжавших его дело, пытались обвинить в том, что они якобы были «японские шпионы». О В.К. Арсеньеве см.: Тарасова А.И. Владимир Клавдиевич Арсеньев / Отв. ред. В.С. Мясников. М., 1985.

ответить ему ничего вразумительного, так как мне и в голову не приходило, что этого человека может толкать на поступки не только стремление к будущему, но и что-то в прошлом.

Марк Исаакович был принят в доме Майских. Иван Михайлович сам был из пострадавших, но его избрали действительным членом АН СССР, он стал одним из выдающихся ученых-историков. Круг его знакомых был чрезвычайно широк, и он ввел в него Казанина, которого по-семейному Майские называли *Марко Поло*. Одним из любимейших способов общения у Марка Исааковича был обмен письмами. И благодаря этому – в свете переписки с И.М. Майским – мы можем взглянуть на этот этап его жизни и деятельности.

Иван Михайлович опубликовал повесть «Близкое – далекое» и попросил Марка Исааковича высказать свое мнение о ней⁴³. 14 января 1959 г. Казанин ответил:

«Дорогой Иван Михайлович,

Если бы я знал, что вы придадите какое-либо значение посланным вам замечаниям, я читал бы с карандашом в руке. Сейчас это сделать труднее. Но попытаюсь.

Достоинства повести:

1) В книге есть места, когда искусственно созданное автором напряжение (*suspense*⁴⁴) благополучно разрешается. По Бергсону⁴⁵, мы смеемся, когда с кем-либо другим, а не с нами, после *suspense* случается неприятность, (кто-то долго скользит и, наконец, падает), и плачем от огорчения, когда после *suspense* кому-либо другому, а не нам хорошо. Все главы с элементом *suspense* (заживо похороненные в Египте, плененные дикарями в Африке) с благополучной, но не явно разрешенной развязкой вызывают счастливые слезы.

2) Повесть есть Жюль Верн эпохи мировых войн и пролетарских революций. Нет никаких сомнений, на чьей стороне в происходящих социальных катаклизмах должны быть симпатии читателя.

3) Повесть насквозь дидактична. Она поучает: а) добродетелям: выдержке, терпению, добру, б) на ходу учит, информирует, дает сведения. Надо сказать, что в этом отношении она лучше Жюль Верна: старик давал мертвечину, градусы долготы и широ-

⁴³ Одновременно И.М. Майский направил ее и своим друзьям писателям: К.И. Чуковскому, Б.А. Лавреневу, К.А. Федину и многим другим.

⁴⁴ *Suspense* (англ.) – интерес, напряжение, отсюда: *suspense story* – приключенческая повесть.

⁴⁵ Бергсон (Bergson) Анри (1859–1941) – французский философ, представитель интуитивизма и философии жизни. Блестящий стилист, лауреат Нобелевской премии по литературе (1927). Автор труда «Творческая эволюция» (1907).

ты, население и т.д. Тут превосходство дипломата, привыкшего развлекать скучающую и утонченную публику, над чердачным голодранцем, который [выгоняет] строчки и нахально сдирает с энциклопедии.

4) Характеры наивны, традиционны, трогательны, чисты, абсолютно цельны, что и требуется для морального воспитания юношества.

5) Поражает выдумка автора, масса слов, иногда специализированных, иногда технических (пароход «стал у стенки»), больше же всего при описании явлений природы. Надо же уметь развести антимонию на целую страницу для описания бури. Но дети это любят.

6) Помимо фабулы, типажа, материала, языка (он безукоризненно прозрачен⁴⁶) в каждой книге есть свой ритм, свое «волнение прозы», которое играет важную роль в подчинении себе читателя и несет его по страницам дальше и дальше. Этот свой ритм и свое волнение выдержаны без срывов по всей книге.

7) Повесть есть:

а) образец классической литературы для детей до 15 лет, осоветизированной привнесением социального момента и политической конъюнктуры;

б) с другой стороны, это блестящее салонное упражнение, вариации на мотивы из Жюль Верна, почти устная импровизация: хотите я вам у вас на глазах сочиню роман «Жюль Верна»? И сочинил. Тут же на месте. Вы, нынешние, — ну-тка!

Чтобы быть объективным, надо коснуться недостатков.

II. Недостатки — см. достоинства.

С приветом
К[азанин]
(Марко Поло)»⁴⁷

Считается, что в Китае каждый интеллигент пишет стихи. Но и в России была и есть интеллигенция, которая способна откликнуться в стихах на взволновавшее ее событие. К ней принадлежал и Марк Исаакович. 19 января 1960 г. по случаю 76-летия И.М. Майского *Марко Поло* посвятил «новорожденному» стихотворный опус:

⁴⁶ Марк Исаакович был замечательным мастером языка. Как-то, прочитав одну из моих работ, он раскритиковал меня за слабое использование глаголов. «У вас тут во фразе одни существительные, мне приходится продирается сквозь них, как сквозь стадо слонов, — выговаривал он мне, неразумному. — Владейте глаголом, глагол основа речи». Такое запомнишь на всю жизнь.

⁴⁷ *Майский И.М.* Избранная переписка... Кн. 2. 1935—1975 С. 276—277. Очень интересно сравнить отзыв М.И. Казанина с опубликованными там же отзывами К. Федина (с. 281), Н. Тихонова (с. 285—286), Н.И. Конрада (с. 286) и др.

I
Я хотел бы без сомненья
Написать вам в день рожденья
Панегирик или оду,
Но талант стихосложенья
Мне с большим ограниченьем
Отпустила мать-природа.
Ограничусь ж пожеланьем
Чтобы ваше процветанье
И научное блистанье
Возрастали год от года.

II
Мне хотелось в день рожденья
Сосчитать без опущенья,
Сколько вашим вдохновеньем
Было создано трудов.
По подсчету получается
Цифра, что не помещается
В рамки тесные стихов.

III
Поверить трудно, без сомненья,
Что автор книжек для детей
И книг ученых, и статей,
И авантюрных повестей
Все это — тот, чей день рожденья
Мы отмечаем с восхищеньем.

Поэтический коллектив Марки Полы⁴⁸

Подготавливая очередную книгу своих мемуаров, И.М. Майский в августе 1960 г. обратился к М.И. Казанину с просьбой напомнить ему о их беседах 1935 — 1937 гг., касавшихся формирования британского кабинета. Марк Исаакович, память которого была феноменальной, откликнулся письмом:

«И.М.,

По вашему желанию напоминаю вам то, что вы в свое время (1935 — 1937 гг.) говорили о вероятных преемниках Болдуина. По вашим словам, некий англичанин в Лондоне назвал вам четверых и дал им характеристики:

1. Быть может останется сам Болдуин. Болдуин — это английский Кутузов, на вид старый, сонный, отяжелевший, на самом деле если не тороплив, то потому, что терпелив, умен, хитер, дальновиден, умеет выжидать момент.

2. Галифакс — принадлежит к сливкам тори, сын архиепископа Йоркского. Полностью удовлетворил бы аристократические и савонные круги.

⁴⁸ Там же. С. 311. Скорее всего, это был тост. Коллектив, вероятно, состоял из Марка Исааковича и Гильды Георгиевны.

3. Чемберлен (Невилль) — удовлетворил бы буржуазные круги консерваторов. Беда — бездарен. He would only make a good provincial (Birmingham) lord-mayor in lean financial year⁴⁹.

4. Иден — ученик Болдуина. Левее — принадлежит к группе обновленцев (молодые тори). Not safe⁵⁰, т.к. молод.
С приветом М. Казанин»⁵¹.

Стремление помочь работающему всегда было присуще Марку Исааковичу, и он щедро делился своими знаниями, опытом. Тем более он готов был протянуть руку помощи своим друзьям, в частности, И.М. Майскому. В письме от 6 сентября 1961 г. он в своем лапидарном стиле дал Ивану Михайловичу справку о статье, касавшейся биографии Герберта Уэллса.

«Дорогой Иван Михайлович,

Я не забыл, что обещал сообщить вам, где я видел интересные сведения о последнем периоде жизни H.G. Wells'a, т.е. того периода, когда вы чаще всего с ним встречались.

Это большая и очень умная статья в Dictionary of National Biography. Том 1941–1950! London, 1959, т.е. о тех, кто умер в эти годы.

Там и о его болезнях, и о его одержимости стать академиком (F.R.S.⁵²) по разряду Science⁵³, и о его многочисленных слабостях (претензии на пророчества, напр.) и там так же даже о баронессе Будберг. Надеюсь, что этот очерк вам будет полезен.

С сердечным приветом А.А. и вам,
ваш М. Казанин»⁵⁴

В 1967 г. вышла в свет классическая работа М.И. Казанина о посольстве в Китай в конце XVII в. голландцев на русской службе И. Идеса и А. Бранда⁵⁵.

О том, как приходилось преодолевать рогатки цензуры, свидетельствует письмо академика И.М. Майского директору Институ-

⁴⁹ Он мог бы быть только хорошим провинциальным (Бирмингем) лорд-мэром в неприбыльном финансовом году (англ.).

⁵⁰ Не осторожен (англ.).

⁵¹ *Майский И.М.* Избранная переписка... Кн. 2. 1935–1975. С. 325.

⁵² F.R.S. (англ.) — Fellow of the Royal Society — член Королевского Общества. В Великобритании, соответствует званию академика.

⁵³ Science (англ.) — наука.

⁵⁴ *Майский И.М.* Избранная переписка... Кн. 2. 1935–1975. С. 342.

⁵⁵ *Идес И., Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695) / Вступ. ст., пер. и комм. М.И. Казанина. М., 1967. Я не хочу повторять свой уже опубликованный рассказ об участии в издании этой книги. Отсылаю читателя к моей работе «Квадратура китайского круга. Избранные статьи» (Кн. 2. М., 2006. С. 585–586).

та народов Азии⁵⁶ академику Б.Г. Гафурову, датированное 10 марта 1962 г.

«Дорогой Бободжан Гафурович,

Так как вы уезжаете 15.3 в Карловы Вары, а я до этого едва ли приеду с дачи, то обращаюсь к вам письменно по такому делу.

Вот уже больше двух лет застряла где-то в ЦК книга М.И. Казанина, которую должно выпустить Восточное издательство (Дрейер⁵⁷ может сообщить Вам все подробности). Автор в состоянии полного отчаяния подал в суд на издательство, что было едва ли разумно. Мне очень хотелось бы как-либо помочь урегулированию этого вопроса. Как Вы знаете, я друг Института народов Азии и я знаком с Казаниным уже свыше 30 лет. Нельзя ли было бы как-нибудь сдвинуть дело с мертвой точки? Тем более, что книга, о которой идет речь, представляет несомненный интерес (это перевод записок голландского путешественника XVII в. из России в Китай) и дошла уже до стадии верстки.

Было бы хорошо, если бы вы могли заняться этим вопросом до Вашего отъезда в Карловы Вары.

Желаю Вам на курорте отдыха и поправки. Крепко жму руку.

И. Майский»⁵⁸

Прошло долгих 5 лет со дня отправки этого письма, прежде чем работа М.И. Казанина об И.Идесе и А. Бранде увидела свет, а вернее, читатели увидели ее.

И еще о преодолении препятствий с казанинскими публикациями. В письме И.М. Майскому от 2 августа 1962 г. Марк Исаакович после сообщения об упоминании имени Майского в IX томе сочинений Томаса Манна, с надеждой информирует Ивана Михайловича о прохождении через разного рода фильтры своих воспоминаний «Записки секретаря миссии»:

«A propos⁵⁹ моих воспоминаний. Цензор Главлита прочел и сказал, что у него замечаний нет, но он на себя не берет. Передал начальнику Главлита. Тот прочел и сказал, что у него замечаний нет,

⁵⁶ Институт народов Азии АН СССР был создан 13 мая 1960 г. по постановлению Президиума АН СССР о слиянии Института китаеведения (который Н.С. Хрущев поспешил закрыть!) и Института востоковедения в единый институт. В 1968 г. Институт вновь получил название Института востоковедения, а Институт китаеведения в 1967 г. возродился в виде Института Дальнего Востока АН СССР.

⁵⁷ Дрейер Олег Константинович — один из создателей и первый директор Издательства восточной литературы.

⁵⁸ *Майский И.М.* Избранная переписка... Кн. 2. 1935 — 1975. С. 352.

⁵⁹ По поводу (*фр.*).

но пусть МИД визирует. Послали в МИД (чл[ену] кол[легии] Тугаринову⁶⁰). По прошествии двух недель верстка вернулась с официальным (на бланке) ответом, что у МИД замечаний нет. Так что как будто все в порядке.

Сердечный привет Вам и А.А. Если разрешите, на той неделе заеду, сначала позвоню.

Ваш М. Казанин»⁶¹

Вообще-то, в Москве в те годы не легко было найти более разностороннего и компетентного специалиста по книжным вопросам, чем М.И. Казанин. Из тех, с кем мне доводилось встречаться, в этом плане своей энциклопедичностью похожим на Казанина был только Николай Борисович Зубков — главный редактор Издательства восточной литературы.

Когда И.М. Майский подготовил двухтомник «Записки посла», он решил посоветоваться с Марком Исааковичем об оформлении книги. Вот что написал ему Казанин 6 апреля 1963 г.:

«Дорогой Иван Михайлович,

Пытался звонить Вам, но вы, по-видимому, на даче.

Вы предложили мне высказать мои соображения по поводу предстоящего двухтомника.

Вот они:

Лучше всего обложку без картинки, хотя можно и с картинкой — скажем, справа очень сильно — Спасская башня, часы, а в отдалении очень неясно парламент, аббатство, Нельсонова колонна и пр.⁶².

Но, повторяю, лучше обложка без картинки.

В этом случае я избегал бы т[ак] наз[ываемой] простой и скромной обложки. Это будет выглядеть как бесчисленные книги изд[ательств]а АН, лежащие годами на складе.

Лучше обложка выразительная с косым или летящим заглавием.

По этому типу издан Гальсворти — (последняя его работа) у нас⁶³. У меня есть экземпляр, я могу принести.

Если это не подойдет, тогда надо на суперобложке свести количество слов к минимуму и начертить их очень большими. В преувеличенном виде это сделано в обложке к «Моби Дик» с иллюстрациями Роквелла Кента⁶⁴.

⁶⁰ Тугаринов Иван Иванович (1905—1966) — советский дипломат, имел ранг чрезвычайного и полномочного посла. В 1960—1963 гг. — заведующий Дальневосточным отделом МИД СССР, член Коллегии МИД СССР.

⁶¹ *Майский И.М.* Избранная переписка... Кн. 2. 1935—1975. С. 362.

⁶² В письме имеется и рисунок обложки.

⁶³ В 1962 г. вышло 16-томное собрание Дж. Голсуорси.

⁶⁴ В 1961 г. появился перевод романа Г. Мелвила «Моби Дик, или Белый кит», иллюстрированный Рокуэллом Кентом.

Вы скажете — те две книги беллетристические. Но ведь и ваша книга имеет настоящий литературный интерес, да и мемуары — это вид литературы, помимо их всякого другого интереса.

Отправляю это, чтобы не задерживать ответ, на будущей неделе постараюсь еще позвонить.

Сердечный привет Вам и А.А.

Ваш М. Казанин»⁶⁵

«Записки секретаря миссии» все-таки пришли к читающей публике и пользовались огромным успехом. У Майского, который много лет тому назад предложил создать такую книгу, теперь родилась идея издать ее на английском языке, и он 12 апреля 1963 г. обратился с таким предложением к одному из ответственных лиц в издательстве «Международная книга» — Ю.Б. Леонову:

«Глубокоуважаемый Юрий Борисович,

Посылаю Вам небольшую книжечку М.И. Казанина «Записки секретаря миссии», о которой начал было говорить с Вами несколько дней назад по телефону, но из-за шуток телефона не успел довести рассказ до конца.

Это воспоминания человека, который в 1920 — 21 гг. был секретарем советской дипломатической миссии — так наз[ываемой] миссии Юрина, — имевшей целью установить отношения между РСФСР и Китаем. Очень интересная и совсем неизвестная страница из раннего периода советской дипломатии, причем очень хорошо и живо написанная. Правдивость ее засвидетельствована специалистами.

Мне кажется, ее стоило бы издать на английском языке. Дополнительный момент для этого такой: в записках рассказывается о том, что во время пребывания миссии в Пекине с ней дружеские отношения поддерживал находившийся тогда там лорд Бертран Рассел. Может быть, он не отказался бы снабдить английское издание книжки своим предисловием? Это было бы очень эффектно.

Ознакомьтесь с книжкой и пусть тогда Межкнига примет решение⁶⁶.

Искренне Ваш

И. Майский»⁶⁷

В 1964 г. в пятом номере «Нового мира» — самого читаемого журнала тех лет — появилась рецензия И.М. Майского на две

⁶⁵ *Майский И.М.* Избранная переписка... Кн. 2. 1935 — 1975. С. 372.

⁶⁶ На английском языке обе книги воспоминаний Марка Исааковича вышли уже после его кончины. Они были под одной обложкой и назывались «China in the Twenties» (М., 1973).

⁶⁷ *Майский И.М.* Избранная переписка... Кн. 2. 1935 — 1975. С. 373.

близкие по тематике книги: П.М. Никифорова «Записки премьера ДВАР: победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке (1917–1922)» (М., 1963) и М.И. Казанина «Записки секретаря миссии: страничка истории первых лет советской дипломатии» (М., 1963).

Болезнь, как и любовь, может нагрянуть нечаянно. Огромная работа, которую вел И.М. Майский, сказалась на его здоровье: в конце осени 1965 г. у него произошел инсульт. Но уже к весне 1966 г. Иван Михайлович снова вел, как и прежде, интенсивную переписку с друзьями, знакомыми официальными лицами. Марк Исаакович долго не решался тревожить своего друга. Наконец 4 июня 1966 г. он отправил Майскому письмо:

«Дорогой Иван Михайлович,

Потерял вас на некоторое время из виду, пока вы были в неизвестном мне санатории. Теперь же от Иры⁶⁸ я слышал, что вы у себя на даче.

Был бы рад знать, как протекает, или, вернее, утекает ваше недомогание? Надеюсь, что оно уже в прошлом.

У меня нового мало. Книга «В штабе Блюхера в Китае» еще не вышла. Трудности с бумагой, т.к. тираж относительно большой — 30 тысяч. Говорят, что в этом месяце выйдут. Прошла Главлит без замечаний.

Тили⁶⁹ уехала в Эстонию на все лето. Я буду болтаться вблизи Москвы — скорее всего в Пушкино-на-Оке — это там, где строится новый академический городок, за Серпуховым.

Видите ли вы много народу и веселая ли жизнь в Мозжинках? Пожалуйста, напишите несколько слов.

С сердечным приветом вам и Агнии Александровне ваш
М. Казанин»⁷⁰

Марк Исаакович любил парадоксы. Он как-то спросил меня: «Кто выигрывает войны? Вы думаете Пауль фон Гинденбург или Эрих Людендорф? Нет, ничего подобного. Тот подслеповатый штабс-капитан, который сидел в Генеральном штабе, зарывшись в бумаги, и готовил документы. Это его идеи воплощались этими генерал-фельдмаршалами и генералами, это ему принадлежат кон-

⁶⁸ И. Беклемишева.

⁶⁹ Гильда Георгиевна была художницей, она каждое лето ездила на этюды в Прибалтику. Рисовала акварельными красками и пастелью пейзажи — сельские и городские. Марк Исаакович по осени отвозил этюды знакомому мастеру, который делал рамки. В моей семье бережно хранятся две работы Гильды Георгиевны и одна рамка, подаренная Марком Исааковичем для какой-то из приобретенных в Китае картинок.

⁷⁰ *Майский И.М.* Избранная переписка... Кн. 2. 1935–1975. С. 435.

цепции блестящих операций и всего хода войны». Мне показалось, что он говорит о себе, он так представлял свою роль в дипломатии и науке.

Кстати, о первой мировой войне. 16 марта 1968 г. Марк Исаакович отправил И.М. Майскому любопытное письмо:

«Дорогой Иван Михайлович,

В тридцатых годах я хорошо знал профессора Я.М. Бушпана — мы вместе преподавали в университете. Как-то заговорил о вас, и он мне рассказал, что вскоре после начала мировой войны он встретил на Невском проф[ессора] Максима Максимовича Ковалевского. Ковалевский рассказал, что накануне он видел Витте и тот ему сказал, что читал статьи Майского в «Русском Богатстве» о профсоюзном движении в Германии и что только по ним он (получил представление) и разобрался, почему возникла война. Витте разослал экземпляры этого №-ра «Русского Богатства» своим коллегам по Государственному Совету и всем об этом рассказывал.

Несколько лет тому назад я вспомнил и при случае рассказал вам, Иван Михайлович, об этом. Вы ответили, что тоже слышали об этом и даже с таким добавлением. Витте закупил *сто (100) экземпляров* «Русского Богатства» с Вашими статьями и разослал их другим членам Госуд[арственного] Совета. Неожиданным результатом этого было то, что среди них разнесся слух, что автором статей был сам С.Ю. Витте, а Майский — был его псевдоним.

С сердечным приветом

М. Казанин»⁷¹

Одним из друзей Марка Исааковича, стала Мариетта Шагинян. Они познакомились у Майских и стали вести переписку. Шагинян высоко ценила книги Казанина, старалась их пропагандировать. 12 октября 1968 г. Марк Исаакович поспешил сообщить Ивану Михайловичу, что он получил от Шагинян письмо из Кисловодска, в котором она восхищалась мемуарами Майского⁷².

И, наконец, последним аккордом приведенной мною переписки стало письмо академика Ивана Михайловича Майского, написанное не ранее 11 января 1972 г. академику Бободжану Гафуровичу Гафурову:

«Глубокоуважаемый Бободжан Гафурович,

На этих днях я рассказал Вам подробную историю моего старого друга Марка Исааковича Казанина, одного из крупнейших китаистов старой школы, только что умершего в возрасте 70 лет.

⁷¹ *Майский И.М.* Избранная переписка... Кн. 2. 1935 — 1975. С. 450 — 451.

⁷² Там же. С. 454.

В связи с этим я просил Вас оказать содействие опубликованию двух небольших книжек воспоминаний Казанина «Записки секретаря миссии» и «В штабе Блюхера», исторически и литературно очень ценные. Я пишу сейчас вводную статью к ним, а известная писательница Мариетта Шагинян хочет дать предисловие: она была дружна с Казаниным.

У Вас на руках так много дел, что я решаюсь, на всякий случай, напомнить Вам о нашем разговоре.

Искренно Ваш

Академик И. Майский»⁷³.

★ ★ ★

Надеюсь, что издание «Избранного» Марка Исааковича в год его 110-летия будет знаком нашего глубочайшего уважения к нему и достойной памятью о нем. Как мы видим, такой шаг полностью соответствовал бы и желаниям его ближайших друзей, с которыми он тесно общался при жизни.

В.С. Мясников

⁷² Майский И.М. Избранная переписка... Кн. 2. 1935 – 1975. С. 481.

ЗАПИСКИ СЕКРЕТАРЯ МИССИИ

ОТ АВТОРА

Автор считает своим долгом предупредить тех, кто надеется найти в этой книжке связную историю революции или гражданской войны на Дальнем Востоке и того тактического маневра, каким было создание Дальне-Восточной Республики*, что они неизбежно будут разочарованы. Разочарован будет и тот, кто будет искать в этой книге связную историю внешней политики ДВР или, по крайней мере, ее отношений с Китаем. И то и другое — дело историков. В их распоряжении прекрасные, если не исчерпывающие материалы: государственные архивы, законодательство, протоколы заседаний, дипломатическая переписка, пресса. Здесь же читатель найдет лишь личные воспоминания о некоторых людях и некоторых событиях, случившихся сорок лет назад. Мемуарист имеет право точно размежеваться с историком: никому не придет в голову требовать от историка, чтобы он за живых или за покойников писал мемуары; давайте не требовать истории у мемуариста; все, что он может дать — это материалы для нее, отдельные куски живой жизни.

Хорошо известно, что материал истории становится все богаче. На протяжении веков мы видим, как он разрастается, как в академическую историю вовлекаются все новые дисциплины, новые источники знания, новые факты. Если не так давно вспомогательными данными для истории были такие науки, как археология, эпиграфика, сфрагистика, памятники искусства, то теперь этого недостаточно: бесконечно убедительны для изучения времени данные, которые дает в наше распоряжение фотография, грамзапись, кино.

* Печатается с сохранением авторской орфографии и пунктуации (*Прим. ред.*).

Предлагая вниманию читателя эти записки, автор просит приравнять их к ветхому, потускневшему фильму, заснятому в то время. Это никак не систематическое и не академическое исследование, это лишь отдельные сохранившиеся кадры кое-где, быть может, беспорядочно склеенные, относящиеся к одному предмету — первой послереволюционной дипломатической миссии в Китай (в 1920 г.), охватившей вместе с дорогой период почти в полтора года. Читатель должен сделать скидку на то, что записки пишутся спустя сорок лет, многое забылось, фильм во многих местах неясен, тускл и просто обрывается. Больше того: если громадные изъяны относятся за счет возрастной забывчивости, не менее велики дефекты за счет невежественной молодости — поскольку аппаратом, которым снимался этот фильм, линзой, через которую преломлялись события, было незрелое и рассеянное сознание очень молодого человека двадцати одного — двадцати двух лет.

Автор должен предупредить, что, восстанавливая в памяти впечатления тех лет, он намеренно избегал чтения каких-либо материалов по этому предмету или периоду, чтобы хотя бы неумышленно, хотя бы в мелочах не подменить пережитое впечатление. Имея, однако, в своем распоряжении прекрасные фонды книг и периодики Ленинской Библиотеки, автор частично использовал их, уже после того, как поставил последнюю точку.

1. СЛЮДЯНКА

Однажды утром меня вызвали в ревком. Был май 1920 г. Я вышел из прогимназии, где преподавал, и через несколько минут — поселок был мал — дошел до ревкома.

Полгода тому назад в этом доме жил кто-то из железнодорожников — колчаковцев. Он выдавал сослуживцев, когда белые пришли, и бежал с белыми, когда они уходили.

Секретарь — он был один в комнате — поднял на меня свое небритое лицо — тогда все были небритые — и спросил:

— Что это за Совет Министров вас требует?

В ответ я мог только вытаращить глаза.

Совет Министров был в старой России, сохранялся у Керенского, продолжал существовать у только что павшего Колчака. Совет Министров мог быть чем угодно, только не советской и не революционной организацией. Но если это белый Совет Министров, что он может хотеть от меня? Все, вместе взятое, не лезло ни в какие ворота.

Я в недоумении покачал головой, ожидая дальнейших объяснений.

— Ну, вот, смотрите...

Он покопался в кипе бумаг на столе и протянул мне телеграмму.

«Немедленно откомандируйте товарища Марка Казанина в Верхнеудинск* в распоряжение правительства Дальневосточной Республики. Совет Министров».

Я пожал плечами и повел глазами вокруг комнаты. Взгляд мой остановился на забытом владельцем зеркале на стене. Секретарь проследил за моим взглядом, и мы оба увидели друг друга в зеркале. У обоих был совершенно идиотский вид.

Зазвонил телефон. Секретарь дал ответный звонок и, прикрыв трубку ладонью, сказал мне:

— Ну ладно, сегодня вечером вернется председатель из Иркутска, спрошу.

Я вышел.

* * *

— Ну, что? — настороженно и встревоженно встретили меня в школе. — Чего-то вас в ревком?

— Да вот, телеграмма, требуют в какую-то Дальневосточную Республику — ничего не понимаю.

Ничего вразумительного не могли сказать и мои коллеги. Директор школы — Алексей Дмитриевич Грязнов — худой, умный и острый человек лет тридцати пяти, только по случайности застрял и стал учительствовать в Советской России. Волна колчаковской эвакуации несла его с Урала и, истощившись, оставила его на мели здесь. У него было университетское образование, и до революции он довольно успешно служил в государственном контроле, т. е. по ведомству, задачей которого была проверка смет, вскрытие перерасходов и злоупотреблений и т.д. Педагогом поневоле была и его жена, высокая, бледная и некрасивая и тоже хорошо образованная женщина из богатой московской купеческой семьи, преимущественно занятая уходом за их единственным ребенком. Она привезла с собой целое собрание дорогих икон, по которым Алексей Дмитриевич вводил меня в тонкости различия между строгановским и суздальским письмом.

Остальные преподаватели были примерно того же типа. Географию преподавал некий Рыбаков. Был он человек лет сорока пяти, на вид простоват, ходил неизменно в тужурке и сапогах, холил усы с подусниками и в разговоре большей частью что-то неопределенное мычал.

— Знаете, ведь он совсем не учитель, — доверительно сказал мне однажды Грязнов, — как, по-вашему, кто он был в прошлом?

— Маркер в бильярдной? — отважился я.

* Верхнеудинск — ныне Улан-Удэ (Прим. ред.).

— Ошибаетесь, — несколько покоробившись, возразил Грязнов, — он бывший вице-губернатор.

Я явно повредил себе неудачной догадкой в глазах директора — он надеялся, что я безошибочно отличу тщательно отобранную им «белую кость».

Надо сказать, что Грязнов и другие учителя вообще не могли меня понять. В то время как они тщетно пытались эвакуироваться как можно дальше на восток, чтобы прорваться в Маньчжурию, Китай или на худой конец в Монголию, я, наоборот, полгода тому назад вырвался из той белой зоны, куда они так жаждали попасть, и в разгар зимы, через фронт, спрятанный среди цыган и цыганок в товарном вагоне проехал в советскую зону. Они не могли понять почему, и считали полезным уроком для меня то, что за свое сумасбродство я поплатился сыпным тифом.

Но как мог я знать, когда в жгучий сибирский мороз я ехал в теплушке с цыганами и вся жизнь сосредоточилась вокруг раскаленной докрасна печурки в середине вагона и краже на полустанках дров для нее, что те маленькие, завернутые в тряпички пакеты, которые женщины выносили на остановках и оставляли за сараями, были мертвые дети. Кроме цыган, случайно отбившихся от главного табора и возвращавшихся в Иркутск, нас пробивалось на запад навстречу Красной Армии двое — деповский слесарь Ян Жихович и я, но заболел один я. Меня сняли на Слюдянке, и полтора месяца я пролежал в больнице. Не знаю, как сейчас, но тогда сыпной тиф лечили прохладными ваннами, и им и великолепной сибирской подснежной ягоде облепихе, которой меня кормили замерзшей, киселями и морсами, я, по-видимому, обязан своим выздоровлением. Когда я вышел, меня уже ждало приглашение от местной интеллигенции преподавать русскую историю в прогимназии (т.е. первые четыре класса гимназии), только недавно преобразованной из местной железнодорожной школы. Ни у кого не возникало сомнений в моей квалификации. Студент в те годы и тем более в Сибири расценивался примерно так, как кандидат наук в наши дни.

Я подошел к работе в школе, хотя всего лишь на глухой сибирской станции, не без робости: я никогда не преподавал (кроме частных уроков) и я так мало знал. Но на ходу уча и одновременно учась истории, я полюбил школу и преподавание и, может быть, больше всего, поиск лучшего метода. Моим главным стремлением было оторваться от того страшного казенного стандарта, по которому учили в школе нас. Я старался оживить предмет, я хотел, чтоб мои ученики и ученицы (школа была смешанная) видели, слышали, ощущали народ, простых людей X — XI веков — как они ели, пили, одевались, пахали землю, дрались, путешествовали, сочиняли песни, былины и летописи. С этой целью за полгода моего преподавания в школе мне удалось добиться нескольких

коротких командировок в Иркутск, где в библиотеках и старых гимназиях мне удавалось выцарапывать на недолгое время цветные картины по русской истории, карты, пособия и книги для детей и для себя.

Грязнов был все же очень доброжелательный и интеллигентный человек и охотно давал мне такого рода командировки. В ревкоме каждый раз мельком спрашивали, не еду ли я на самом деле за картошкой для учителей, но пропуск давали. Иркутск той зимой я помню, как ветреную ледяную пустыню. Это был старый русский каменный губернский город, с широкими улицами, собором, и нетопленной оперой, где я слушал «Русалку». В Иркутске был университет, душой которого в то время был его ректор — блестящий профессор и эрудит М. М. Рубинштейн, но мне и в голову не приходило обратиться со своими нуждами или сомнениями к нему или к другим профессорам.

По сравнению со Слюдянкой Иркутск выглядел, конечно, столицей и каждая поездка была событием. Я привозил оттуда упоительные книги по истории и самообразованию, далеко выходявшие за рамки текущих нужд. И в ту зиму на Слюдянке, когда я с хозяевами питался одними самодельными ржаными лепешками, чаем и селедкой, я читал едва ли не больше и, во всяком случае, осмысленнее всего в жизни.

★ ★ ★

— Ну, как, узнали, что это за Дальневосточная Республика? — спросил я секретаря ревкома на следующее утро.

Он был по-прежнему небрит, но ответил мне широкой ухмылкой.

— Свои! Так собирайся, могу тебя сегодня отправить.

Он перешел на товарищеское «ты».

— На чем и как? — спросил я. В то время пассажирского сообщения на Восток не было и в помине.

— Хочешь, жди рабочего поезда; может быть, будет служебный вагон, а не то поедешь на паровозе.

Этот последний вариант соблазнил меня новизной.

Сборы мои были недолги. Я оставил хозяйке все, что у меня было, попрощался со школой и поздно вечером как служебное лицо по вызову, хотя и неясного, но «своего» Совета Министров, поднялся на площадку паровоза и, стоя у раскаленной топки и сквозь пронизывающий ветер, темноту и золотые искры пролетел первые сто пятьдесят километров, и после нескольких часов ожидания в дежурке для машинистов в Мысовой (Ныне город Бабушкин в Иркутской области) дальнейшие сто пятьдесят километров до Верхнеудинска.

2. ВЕРХНЕУДИНСК

Управляющим делами Совета Министров оказался Буртман. Я его знал сначала по Харбину, где мы вместе студентами издавали подпольную молодежную газету и сами набирали ее в типографии китайца Фация, и позже по Владивостоку. После того, как белые временно взяли верх во Владивостоке, он бежал в Китай и зимой 1919/20 г. он и несколько других молодых большевиков, в том числе один венгерец и одна девушка, отправились из Тяньцзиня верхом на верблюдах через Гоби сквозь жгучие монгольские морозы и бураны по направлению к Байкалу, куда должна была выйти Красная Армия. Они достигли цели, были приняты своими, и Буртмана, в силу его знакомства с Дальним Востоком, отправили в распоряжение только что организованной Дальневосточной республики, или сокращенно ДВР [1]*.

Вот как Буртман разъяснил, что мне такое ДВР:

— Это буфер. Знаешь, существуют буфера между вагонами, чтобы вагоны не столкнулись друг с другом. ДВР — это наше государство-буфер, созданное для того, чтобы избежать прямого столкновения с Японией. Япония объявила себя смертельным и неприимимым врагом Советской власти и коммунизма. Она поддерживала Колчака, до сих пор помогает Семенову и снова лезет на рожон, стремясь захватить Сибирь и уничтожить Советскую власть. Партия решила помешать Японии, образовав между Советской Россией и Японией государство-буфер. Конечно, на время, но пока — это нужно. Сейчас Япония протирает глаза, видя, что перед ней от Байкала до Тихого океана возникло какое-то государство — не коммунистическое, как РСФСР, но и не капиталистическое, как она, — буфер, понимаешь? Японии уже не к чему придраться. Она даже пошла на переговоры с ДВР. Петров, ну да ты не знаешь, это старый шлиссельбуржец, военный министр ДВР, разговаривает сейчас с их командованием на разъезде Гонгота.

ДВР провозгласили в Верхнеудинске, сделали его столицей, из местного населения — пролетариев, крестьян, партизан — выбрали народное собрание, которое еще пришлось уговаривать голосовать за буфер. После Колчака все наши ни о чем, кроме Советской власти, и слышать не хотели. Армию назвали не Красной, а Народно-революционной, а руководителей — так и быть, министрами. Ясно? [2]

— Ясно, — ответил я. — Но скажи, откуда же в Верхнеудинске узнал обо мне? — спросил я.

Оказалось, что я был обязан вызову маленькой случайной встрече на вокзале станции Слюдянка с молодым человеком моих лет, школьным товарищем, фамилию которого я теперь и не могу вспомнить. Как известно, на затерянных по Великому Сибирско-

* См. Комментарий, с. 193 — 230 (Прим. ред.)

му Пути станциях самое большое событие дня — это прохождение пассажирского поезда (в те годы служебного), а арена этого события — вокзал. Как и все, я выходил к поезду, и однажды случилось так, что кто-то окликнул меня и назвал по фамилии. Я остановился, узнал, мы поздоровались, он был поражен, что видит меня на глухой станции, и спросил, что я здесь делаю. Я сказал, что преподаю историю в местной школе. Сначала он рассмеялся и не поверил, потом вскипел и стал стыдить меня: «Как это можно, в такое время и закопаться здесь?!» Я слушал его и только радовался, что не успел сказать, что вдобавок ко всему я влюбился в одну свою ученицу, необыкновенную шестнадцатилетнюю синеглазую татарку, и собирался на ней жениться. Но ни говорить, ни слушать времени уже не было. Состав неожиданно дернулся, и мой приятель еле успел вскочить в свой вагон. Как мне рассказал Буртман, он дал знать в Иркутск и Верхнеудинск, что я застрял на маленькой станции и что это прозябание надо прекратить. Со временем это дошло до председателя Совета Министров Краснощекова [3], и он велел Буртману меня немедленно вызвать.

— Зачем, собственно? — спросил я.

— Да работа найдется — заверили меня, — пока живи, обживайся, а там, глядишь, что-нибудь и подберут.

★ ★ ★

Меня поселили у Родовских. Это была старая сибирская семья (хозяйка была сестрой Емельяна Ярославского [4]) и в двух комнатах их большого дома уже жило несколько ответственных работников Дальневосточной Республики. Все жили и спали, как попало. Один только Николай Николаевич Ромм спал на диване, но не столько потому, что он был министр финансов, сколько потому, что он был старый политкаторжанин и самый пожилой среди нас. Там же в его комнатухе, заваленной политической литературой, на комбинации книг и большой гладильной доски, спал другой министр. Заместитель еще одного министра, Буртман и я располагались на кушетке, столе и полу в соседней комнате.

Пока на мне никаких обязательств не лежало, я с утра принимался за книжки в комнате Ромма. Я впервые прочел «Империализм» Ленина (Маркса и Гильфердинга мы знали еще с 1917 года), читал «Русскую историю» Покровского, прочел небольшую, но очень ясную и полезную брошюру Потяева «Финансовый капитал», но больше всего меня захватил журнал «Коммунистический Интернационал». Тот, кому в те годы пришла мысль издать журнал в большом формате, на блестящей бумаге и напечатать его в лучшей типографии в России, был не только первоклассным полиграфистом, но и большим политиком и, конечно, это не могло быть сделано без Ле-

нина. Именно так в блеск, силу и красоту должно было одеться после победы революции то самое печатное слово, которое раньше доходило до рабочих и интеллигенции наспех напечатанным на серой или папиросной бумаге. История Циммервальда и Киенталья, долговременная бескомпромиссная борьба против империалистической войны, за мир и за рабочий класс впервые встали передо мной. Что было дороже всего — за журналом виделись не голые лозунги, а живые люди. Вокруг меня выросла целая живая семья мужчин и женщин, годами сопровождавшая и согревавшая меня в жизни. Как магически звучали имена: Ленин, Луначарский, Либкнехт, Генриетта Роланд, Гольст, Джон Рид, Анжелика Балабанова, Инесса Арманд, бесчисленные делегаты Америки, Азии — как будто весь мир поднялся и на страницах журнала стоял за этим. Может быть, когда будет писаться история русской журналистики эпохи гражданской войны, будет учтена и эта запоздалая рецензия одинокого затерянного в Сибири студента.

После этого я шел в помещение Дальбюро ЦК РКП(б) [5], где имелся кабинет с книгами и журналами. Поскольку я был некоторое время по необходимости самодельным историком, меня сразу привлекло собрание статей профессора Р. Ю. Виппера. С тех пор я ее не перечитывал, но я думаю, что для улавливания душ нет более ученой, умной статьи, чем «Две интеллигенции».

★ ★ ★

В Дальбюро я бывал по утрам и встречал только работавшую там молодежь — своих сверстников. От них я узнал, что, к сожалению, Дальбюро в тот момент раздиралось склокой [6]: по одну сторону был Краснощеков, по другую Гончаров и Ширямов.

Никто не оспаривал того, что Краснощеков был революционером по духу и имел большие заслуги перед Советской властью: он был первым председателем Советского правительства на Амуре в 1917 — 1918 гг. и после его падения ушел в подполье. Но то, чего не могли вынести его коллеги по Дальбюро (а один из них был ни много, ни мало старым рабочим-большевиком) было то, что, по их словам, от него так и несло анархо-синдикализмом. Краснощеков за долгие годы пребывания в Америке, куда он эмигрировал после революции 1905 г., был деятельным членом полуанархического союза Индустриальных Рабочих Мира.

Но если у Краснощекова было много и достаточно серьезных врагов, у него были не менее могущественные друзья, с которыми мне также пришлось встретиться в Верхнеудинске, хотя при них у меня не было ни случая, ни смелости открыть рот. Одним из них был Федор Николаевич Петров [7], занимавший должность военного министра, уже тогда старый большевик и шлиссельбуржец. Он

был военным министром и в то время вел переговоры с японским командованием на разъезде Гонгота. Другим был командовавший войсками ДВР В.К. Блюхер[8].

Разница между этими тремя людьми была разительная уже во внешнем облике. Петров был типичным русским интеллигентом — очки, борода и усы, профессия врача, долгие годы заключения в крепости, все кало на него отпечаток старого партийца, шедшего в революцию по глубокому и непоколебимому убеждению. Блюхер в свою очередь олицетворял романтику революции. Он был по-настоящему красив лицом и фигурой. У него было смелое, хорошо очерченное лицо, ясные глаза; был он на редкость прост, открыт и приветлив. Хотя он и происходил из кадровых пролетариев, в нем была какая-то природная щеголеватость и аристократичность, которые до революции встречались и в простых рабочих и солдатах, знавших себе цену. В него были влюблены поголовно все бойцы, называли его орлом, масса гордилась и восхищалась им. Разительным контрастом им обоим был Краснощеков с его далеко не располагавшей к себе наружностью. Был он костляв, долговяз, неуклюж, у него было большое мефистофельское лицо, очки и часто насмешливая и безжалостная манера в разговоре.

В чем Краснощеков, безусловно, нуждался, это в людях сильнее и умнее себя. Это — партия могла дать ему в избытке, и, работая в последующие годы в Москве на крупных государственных постах, он сумел изжить многие свои недостатки и развернуть свои недоюжинные способности, громадную энергию и смелость.

После отзыва Краснощекова из ДВР в Москву в конце 1921 г. он был направлен на работу в Наркомфин. На основании дошедших с Дальнего Востока слухов он был враждебно встречен коллегией НКФ. Ленин решительно стал на сторону Краснощекова. В служебной записке по поводу позиции коллегии НКФ Ленин писал 4 января 1922 г.: «Вся их оппозиция против Краснощекова сплошной и вредный предрассудок» (Ленинский сборник. XXXVI. М., 1959. С. 396. См. также: «Коммунист». 1960. № 1. С. 34). 10 января 1922 г. Совнарком утвердил А.М. Краснощекова вторым заместителем Наркома Финансов.

А.М. Краснощеков

Наркомом в то время был Крестинский, однако же он не работал, так как он одновременно был полпредом в Берлине и находился там. Таким образом, вся работа по НФ делилась между Сокольниковым, считавшимся первым заместителем наркома, и Краснощековым — вторым. Во время болезни (воспаление легких) Краснощекова он был снят с этой работы. Краснощеков был глубоко расстроен и рассказал мне, что это произошло в результате стовора между Сокольниковым и Зиновьевым. По просьбе Краснощекова он был принят Лениным, который заверил его, что он ничего не знал об этом, так как сам в то время болел. Он сказал Краснощекову, что найдет ему работу не меньшую по объему и вполне по его способностям. Вслед за этим Краснощеков был назначен членом Президиума Высшего Совета Народного Хозяйства и председателем правления Промбанка, задачей которого было финансирование всей промышленности страны.

* * *

Однажды, когда я сидел в читальне Дальбюро, мне сказали, чтоб я прошел в Совет Министров к Краснощекову.

— А в чем дело? — спросил я работника Дальбюро. (Ему суждено было вскоре погибнуть на льду Финского залива во время наступления на Кронштадт.)

— Не знаю, — ответил он, — многих посылают с поручениями в Москву, может быть, и тебя.

С бьющимся сердцем я торопливо покинул Дальбюро. Совет Министров помещался на главной улице, в особняке одного из бежавших с белыми верхнеудинских богачей. У Краснощекова в кабинете сидел еще кто-то. Нас познакомили. Это был человек среднего роста, широкоплечий, лысый, с густой каштановой бородой и большими синими глазами. Так как я был молод, он мне показался дедом, и мы его так позже называли, хотя на самом деле ему не было сорока.

— Хочу отправить вас в командировку, и довольно далеко, — сказал Краснощеков.

Сердце мое забилося. Так вот оно что! Я уже видел перед своими глазами золотые маковки церквей, Третьяковскую Галерею, картины Рериха и тот самый Исторический музей, о котором я столько читал, когда готовился к урокам истории в Слюдянке.

— В Москву? — сказал я.

— Нет, в Пекин, — ответил Краснощеков. — Дело вот какое. Товарищ Дзевялтовский едет с миссией в Китай. Он подбирает штат. Хотите ехать с ним в Пекин секретарем миссии?

Это звучало совершенно фантастически. Что я мог ответить? Сказать: «Так не в Москву?» Или: «Да, очень рад!» У молодых людей нет таких слов. Я что-то пробормотал в ответ.

— Скажите, — обратился вновь ко мне Краснощеков, — вот такой вопрос: говорите ли вы по-китайски?

Я ответил, что да. Я вырос в Харбине и был студентом Восточного института во Владивостоке.

— А по-английски?

И на этот вопрос я ответил утвердительно.

Краснощеков и Дзевялтовский переглянулись.

— Как по заказу! — услышал я.

— Конечно, все это мы примерно знаем, — сказал Краснощеков, — и наводили справки, но, знаете, всегда лучше получить сведения (он широко ухмыльнулся) «прямо изо рта у лошади...»

Я знал это английское выражение (straight from the horse's mouth — «из первоисточника») и перевел его.

Дзевялтовский и я вышли. Я проводил его до его квартиры, и зашел туда, где он оставил меня обедать. Он оказался совершенно выдающимся кулинаром.

Вечером, перебирая впечатления дня, я чувствовал себя ошеломленным. Так вот оно как повернулось. Я ехал через фронт, в Россию, конечно не в Слюдянку, а в центр, ехал потому, что задыхался на Дальнем Востоке и потому, что мне была отвратительна мысль об отъезде за границу, что сделало немало моих однолеток. Уехать из своей страны и в такое время — да это трусость и измена! Надо быть полным ничтожеством, чтобы променять Петроград и Москву на Вашингтон или Сан-Франциско. Но в Китай?

К сожалению, тут выбора не было. Меня посылали туда, в конечном счете, та же Москва, та же Россия, которой я хотел служить. Что ж — поеду — буду считать, что поездка в русские столицы просто откладывается на время.

А потом во мне говорил и другой голос. Китай мне ведь по пути. Так или иначе, я рано или поздно должен был побывать в нем в ходе своего востоковедного образования. И потом Пекин — у меня были свои особенные причины хотеть повидать его. Ведь я вырос на задворках не только России, но и Китая. Маньчжурия была в культурном отношении сравнительно молодой колонией Китая — своего рода Австралией или Канадой. Те китайские поселки и города, что мы видели в Маньчжурии, были грубыми провинциальными копиями великих древних столиц Китая: какие сокровища искусства могли мы видеть в китайском предместье Харбина — Фуцзядяне, хотя в нем и было 300 тыс. населения?

Нет, это предложение или, вернее, назначение в Китай было большой удачей. А потом уж Москва.

★ ★ ★

В течение нескольких последующих дней определился состав миссии. Я присутствовал на заседаниях, когда составлялись и фор-

мулировались вручаемые миссии документы. Я знал, что миссии следовало добиться учреждения нашего постоянного дипломатического и консульского представительства в Пекине, так же как и китайского у нас. Я знал, что миссия совместно с китайцами должна пересмотреть все договоры, заключенные царским правительством с Китаем; предстояло вести переговоры о границах, таможенных пошлинах, об отмене права экстерриториальности. Но не это застряло в моей памяти и звучало в ушах. Я навсегда запомнил полутемный зал Учредительного собрания ДВР, сидевших там бородастых крестьян, партизан, рабочих, профессиональных революционеров и великолепные слова принятой тогда декларации, провозглашавшей, что свободный русский народ идет совершенно иными путями и всей душой стремится исправить вековые несправедливости.

Глава ее Дзевялтовский (имя и отчество его было Игнатий Людвигович) [9] ехал под фамилией Юрина, под которой он фигурировал в правительстве ДВР, занимал пост заместителя военного министра. Он был хорошо образован, и у него были несомненные такт и выдержка и даже, что может быть существенным для дипломата — хорошее представление об искусстве и природный вкус. Во время мировой войны он командовал гренадерской ротой, а впоследствии занимал крупные посты в командовании Красной Армии.

Партийное начало в миссии олицетворял Громов — старый большевик, побывавший в эмиграции в Америке, где работал простым рабочим.

Далее следовали: личный секретарь Юрина — Павел Хретинин, до этого его адъютант в военном министерстве, высокий молодой

костлявый блондин из сибирских партизан; Миша Гурьянов — хороший и простой парнишка, тоже из Красной Армии — шифровальщик, и я — второй секретарь миссии. Таким образом, всего нас было пятеро. Этот состав миссии так и остался неизменным до конца [10].

* * *

Но мы выехали не сразу, а задержались в Верхнеудинске почти на два месяца. О причине задержки я не в силах с полной уверенностью ответить. Возможно, что в это время учитывалась и взвешивалась менявшаяся меж-

И.Л. Дзевялтовский (Юрин)

дународная обстановка, шла телеграфная и всякая другая переписка с Москвой, Иркутском, Омском, согласовывались кандидатуры [11]; может быть, играла роль сложная обстановка в самом Верхнеудинске. Знаю не больше того, что за это время была заказана местным граверам печать миссии и напечатаны бланки и конверты с гербом новой республики. Был составлен и дан на руки документ, представлявший нечто среднее между модным в то время мандатом и верительной грамотой. Получен был хороший автомобиль, на котором государственная миссия могла с подобающим достоинством въехать в Пекин. Это была трофейная машина американской марки «Кадиллак» и принадлежала до этого французскому генералу Жаннелу, бывшему главой французской военной миссии при Колчаке. Подобраны были двое надежных русских шоферов-механиков: Жданов и Гадзкий. Так как «Кадиллак» был защитного цвета, немало поработали над перекраской его в блестящий черный. Но вот что не было сделано, и о чем мы не думали — это о личной экипировке. У нас было в лучшем случае по одному заношенному штатскому или полувоенному костюму и по продавленному и обвязанному веревками чемодану. Но мы были тем, кем мы были — кучкой партийных и беспартийных интеллигентов, партизан, рабочих — и мы казались себе очень презентабельными.

★ ★ ★

Нам предстояло ехать в Пекин, но как? Нормальным путем был бы железнодорожный — по Великому Сибирскому Пути и КВЖД — через Читу, Маньчжурию, Харбин и Мукден в Пекин, но этот путь закрыт, так как поперек него в сотне километров от Верхнеудинска начиналось белогвардейское царство Семенова [12]. Оставался единственный путь, в течение сотен лет соединявший Россию и Китай до постройки железной дороги, — старая караванная дорога через Монголию. По этому пути мы и решили ехать.

До Кяхты надо было добираться по реке, оттуда предстояло совершить пробег на машине через Гоби до Пекина.

В назначенный день мы с небольшим имуществом миссии отправились на пристань на р. Селенге, чтобы грузиться для поездки в Кяхту. Каково было наше удивление, если не удовлетворение, когда мы убедились, что нам был подан специальный речной пароход. Это было первым и ощутительным доказательством в глазах наших и населения, что поездке миссии придавалось большое значение.

Перспектива была очень интересной — плыть на специально поданном пароходе по широкой сибирской реке к монгольской границе, но впечатление было несколько испорчено тем, что Юрин с его обычной неаккуратностью приехал поздно и задержал отправку парохода до вечера, чем немало потрепал нервы тех горожан, которые получили разрешение ехать на пароходе.

Расстояние было небольшое, около двухсот километров и на следующий день мы прибыли в Кяхту [13].

3. КЯХТА

Место нашего назначения представляло собой не один город, а нанизанных на цепочку целых три. Два из них находились на русской территории, третий — на монгольской.

Ядром этой, как теперь принято говорить, конурбации была Кяхта — старинная русская торговая слобода, выросшая на караванной торговле между Россией и Китаем сотни лет тому назад. Это был тихий тенистый город с обширными особняками и складами богатых русских чаоторговцев, из которых многие были миллионерами. Через Кяхту шла большая торговля с Китаем, и к ней, естественно, тяготела целая округа, поставлявшая рабочую силу, лошадей, средства перевозки, упаковку. Не удивительно, что сибирские губернаторы и создали почти впритык к Кяхте уездный центр округа — Троицкосавск.

Но на этом дело не кончилось. Поскольку торговый оборот был международным, по ту сторону границы и также почти сливаясь с Кяхтой, возник оживленный китайский городок Маймайчэн (что значит «торговая слобода»), где жил китайский пограничный савновник, немногочисленный гарнизон и было очень много лавок, сбывавших китайские и привозные товары.

Приехав, мы разместились в Троицкосавске, где по преемственности находились власти ДВР, школы, больница, библиотеки, типография. Сначала мы расположились в довольно убогой местной гостинице, а через несколько дней Юрин с личным секретарем по совету местных властей нашли более удобным для себя переехать к местному богатому чаоторговцу Сердюкову. Конечно, надо иметь в виду, что слово «богатый» в применении к Кяхте и ее купцам в значительной части к тому времени потеряло смысл, так как чайная, да и всякая другая торговля уже давно были нарушены. Купцы разъехались или разорились. Все же у Сердюковых было несколько парадных комнат, где можно было принимать людей.

Однажды к нам в Кяхте, но не к Сердюковым, а в гостиницу явились два до глаз закутанных кашне и шалями человека — мужчина и женщина. Они ехали с секретным партийным поручением в Монголию и им, на всякий случай, необходимо было дать нам знать о себе и познакомиться. Молодой мужчина оказался Хотимским [14], женщина — женой Бориса Шумяцкого [15].

Собственно с этого момента и началась дипломатическая деятельность миссии как таковой. В удобных сердюковских комнатах

Юрин дал мне первое поручение — составить дипломатический документ — телеграмму в Пекин о том, что мы прибыли на границу и просим министерство иностранных дел дать свое согласие, а местным властям распоряжение об оказании нам нужного содействия в проезде в Пекин.

Здесь надо заметить, что у Юрина и, как я позже убедился, не только у него одного, была такая система работы: сам он никогда не писал, а заказывал проект. Получив его, он сразу же видел его недостатки и давал указания, опять неясные и часто косноязычные, в каком направлении он хотел бы его изменить, иногда диктуя отдельные слова, обрывки, полуфразы, которые надо было монтировать в какой-то связный текст. Я приносил второй вариант — и вновь начинались обдумывание, обсуждение, браковка, поправки, поиски нужного поворота. Способ этот был достаточно мучительным, но он неизбежен в тех случаях, и для тех людей, которые лишены дара моментальных, острых формулировок и доходят до них скорее инстинктом, отталкиваясь от чужих. В конце концов, этот процесс, несмотря на его незаконченность и некоторую бессвязность и повторения, в конечном варианте документа все же давал результаты.

Первый составленный мною прямолинейный проект о том, что правительство ДВР отправляет миссию и просит Китайское правительство ее принять, был немедленно и категорически забракован и высмеян. Юрин, слегка заикаясь, саркастически указывал мне, что такую телеграмму можно было послать из Верхнеудинска два месяца тому назад, но ведь не делали же. «Почему?» — допытывался я. «Как почему? Реакционеры в Пекине начали бы волокиту, дали бы через три месяца какой-либо уклончивый ответ, и мы могли бы переписываться до второго пришествия».

Все же эти нудные споры, попытки добраться, чего же он, в конце концов, хочет — дали мне первый и основной урок в составлении дипломатических документов. В каждом таком документе, кроме его прямой цели и отчетливой мысли, есть скрытый поворот, который дает составителям возможность получить то или иное преимущество. Это то же, что в фехтовании умение при равном оружии и равных силах использовать особенности площадки, освещения, фактор инициативы.

Общими усилиями мы, в конце концов, нащупали этот скрытый поворот, смысл которого заключался в том, чтобы считать вопрос о приеме бесспорным (как это не принять миссию от законного правительства соседнего государства?!) и даже не ставить вопрос об этом, а уведомить, что миссия отправлена, миссия уже едет, миссия на границе, дело только за содействием местных властей. С Верхнеудинском Пекин мог бы войти в отвлеченные рассуждения по поводу того, нужна ли миссия; с миссией же в пути и